

ПУТЬ ПО ЛИНИИ

СОЛОМОНОВ А. А.

12+

Арсений Соломонов

Путь по линии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48790957

SelfPub; 2019

Аннотация

"Разве это жизнь? Вы только посмотрите вокруг? – Захлёбываясь слюной, он продолжал – Нет никого поезда... Меня нет и вас тоже нет. Мы не живём, а лишь подчиняемся условиям. Мы уже не мы и всё вокруг это лишь жалкая ложь во благо нашим проекциям. "

Путь по линии

Глава 1

Беглец

Средь всего земного шара по-прежнему помнится мне одна местность, непохожая на остальные. Точное её местоположение не назову, но с касанием быстрой ступни, слегка оглянувшись, можно было заметить странный пустырь рядом с лесом и маленькой деревней, на которой я и остановил свой неровный путь. Я бежал так быстро, как только мог и с каждой секундой оглядывал окрестности нового мира.

Деревня до боли знакомая стояла и привлекала к себе внимание, не то, как знамя или шрам, а как нечто другое, более значимое и важное. Как огромное пятно на широком и круглом теле, которое разглядишь даже будучи незрячим.

Молча стояли дома, но чьи-то ноги то и дело бежали врозь широким кустарникам и деревьям. Этот быстрый едва уловимый звук бегающих ног издаёт только тот, кто ловит образ окружающего мира даже в секундном касании земли, точно зная, что она приносит.

Лишь изредка, пробегая мимо, оглядываясь назад, замечаешь, как за спиной остаётся то, что всегда упускаешь. Но сегодня от одного только вида этого места вдруг обращаешься к нему самым прямым и ровным взглядом.

Дом среди остальных прочих выделялся незамысловатой расцветкой и ненадёжным фундаментом. Издали было за-

метно, как нечто неприкосновенное и неизведанное находилось за оконной рамой и вместе с тенями деревьев перетекало в домашний очаг.

Я видел, как с одной стороны на деревню абсолютно неестественно смотрело близкое море, а с другой бескрайние поля, сохранившие за собой те естественные очертания, в которой и вечности не хватит, чтобы разглядеть всего человека.

Коридором вокруг этого дома тактично выстраивались деревья в косой, но естественный ряд, они простирались плотной стеной вокруг полей и неровных ухабов.

Тот самый дом представлял собой двухэтажную постройку с высокими потолками и длинными окнами. Будь я ребёнком, так воспринял бы это как замок, потому как было бы тяжело отыскать, где вход, где выход и рассчитать высоту, до которой пришлось бы тянуться от петель и узких замочных скважин к высокому и недосягаемому потолку.

Своей неухоженностью старые стены оберегали вопли ранних мыслей и чувств, а вслед за ними оконные рамы встречали наблюдательные взоры лесных прохожих, то и дело подсматривающих за обитателями с разных сторон.

Праздная радость заключалась в том, что, несмотря на разношёрстность деревенских окраин, людей в этой деревне совсем не было. Они как будто не знали это место, или знали, но с каждым днём забывали. Как будто это лишь плод их фантазии, который всё тлеет, как оставленная без присмотра

свеча.

***

В жаркий июльский день мальчишки собрали вещи и смелым шагом выдвинулись к побережью. Оно находилось недалеко от того самого детского дома и путь к нему, как и само море, было запретным куском мира, от которого стоило бы отказаться. Воспитатели ещё утром пересчитали всех оставшихся без родителей воспитанников и отправились ненадолго в город по своим взрослым делам.

Синие облака смотрели сверху и любовались на золотистые ржаные поля, по которым шли брошенные маленькие люди. Они нарушали указ, и потому их переполняла гордость обойти по травяной протоптанной тропе давно принятый взрослый закон. Без взрослых запрещено было посещать пляж, но желание было так велико, что, казалось, не было ничего важнее той сердечной прихоти, дорожить которой может только ребёнок.

Огромные поля и луга помогали детям обрести в душе нечто родное и тёплое. С каждым шагом, приближаясь к морю, солнце ослепляло зрачки, а возгласы становились всё задорнее и размашистее.

Главным в дворовой шайке был признан Андрей. Все знали его характер и уважали не только за то, что он самый старший, но и за вечную бунтарскую натуру, в которой все дети видят смелость и лидерство. На тот момент ему было почти

восемнадцать. Он всегда шагал твёрдо и смело навстречу самым сумасшедшим приключениям.

Мальчикам почему-то казалось, что он ничего не боится, но это было не так. Страх перед жизнью и решениями, которые придётся принимать, всегда таились где-то глубоко в душе и затмевали с каждым днём дорогу, по которой идут только с видимой уверенностью.

Воспитатели не раз доставали Андрея вопросами:

– Ты уже взрослый, ты решил, чем будешь заниматься? Ты же понимаешь, что жизнь здесь не вечна... Ты вот-вот уедешь.... Твоя кровать освободится, и куда же ты пойдёшь? Ты ведь совсем ничего не понимаешь в жизни...

– Я не глупый... Я всё понимаю!

Его очень обижало желание воспитателей поскорее выселить тех, кто и так не имеет земли под ногами. В конце концов, у них нет родителей, а значит и элементарного знания самого себя тоже быть не может. Оно почему-то не приходит к тем, кто боится мира, или кто не знает, на что опереться. Как будто бы ты и вправду ничего не знаешь, и ничто не играет роли, если ты не видишь собственное «Я» в зеркале.

Об этом, пожалуй, судить могли лишь те, кто видел внешность и повадки со стороны и находил только сходства, скольких хватило бы на любой маломальский вывод.

Не смотря на то, что пособие, которое получали воспитатели за Андрея, было достаточно высоким, они обходились с ним так, как обходятся с всякими голодранцами, скитаю-

щимися по улицам.

За провинности его часто били и оскорбляли. Может быть поэтому с детства в нём воспиталось желание сбежать туда, где, возможно, будут его ждать. Частые побеги не приветствовались, однако, он их совершал.

С мальчишками, часто прибегая на пристань, и в дождь, и зной, и в жаркую погоду, он любил морской запах свободы, напоминающий его выдуманный дом. Эта надежда единственное, что отвлекало его от суетных проблем и предстоящего выбора будущей новой жизни.

Такой выбор стоял перед ним довольно часто, однако сегодня решено было сбежать от этой реальности и ненадолго искупаться. Собрав коуду, мальчишки рассекали ногами ржаные поля и мило разговаривали.

– Только не долго. – Сказал Андрей. – Сегодня он вёл себя очень ответственно.

– Ничего... Успеем... – Убедительно похлопал по плечу Ганс. – Воспитатели приедут из города через час... Мы успеем три раза проплыть и вдаль, и до глубины достать.

Андрей усмехнулся, и из его мыслей в мгновение собралась язвительная фраза.

– Я сегодня точно дольше тебя продержусь без воздуха в

воде.

– А это мы ещё проверим – Засмеялся Ганс и по-дружески пихнул его.

– Жизнью и горящим солнцем клянусь, что выдержу дольше минуты! – Спорим? Или слабо? – Андрей протянул ладонь, и что-то внутри защекотало нутро. Он увидел, как в глазах собеседника загорелся азарт. Зрачки заблестели, и он подал руку в знак уговора. Точка соприкосновения отразилась на ладони, и Андрей окрикнул Виктора.

– Разбей! – Тот любезно провёл ребром ладони по сцепившимся рукам.

За подобными играми всегда было интересно наблюдать и потому такое шоу устраивало всех собравшихся.

Сердце забилось в ритме опасной затеи, в которой соблюдались только свои правила.

– А если я проиграю, то что? – Спросил вдруг Ганс.

– Тогда... – Немного подумав, Андрей сказал – Прикроешь меня перед взрослыми при первой возможности. Уговор?

В этот момент Ганс осознал свой промах и уже был готов отказаться от спора, но что-то помешало его правильности вновь появиться.

– А если я выиграю?

– Тогда во дворе я никому не скажу, кто постоянно всех сдаёт.

В этот момент Ганс покраснел, но от спора не отказался. Ему не хотелось терять своё место в дворовой шайке.

– Уговор... – В полтона согласился он, и они оба пошли вперёд.

Ветер то и дело пускал по полям запах свежего азарта вперемишку с детским восторгом и сквозь солнечные ржаные поля тянулись быстрые ноги и постепенно спускались вниз наперекор солнцу.

Спустившись дальше по склону, парни увидели песчаный пляж, окружённый деревенскими людьми. Обитатели деревни выходили из леса и также как парни собирались искупаться.

Тёплый морской бриз и звуки волн колыхали душу вместе с листвой на деревьях, и с каждой новой минутой происходила настоящая жизнь, кипящая внутри отдыхающих.

Начиная от спуска, берег был достаточно обрывист, и потому нырять вглубь было намного легче. Морская вода хоть и вытаскивала наверх, однако при дополнительном усилии можно было даже достать до дна. Мальчишки ныряли с берега, на котором располагалась бетонная плита.

Деревенские поставили её для того, чтобы была возможность с разбегу нырнуть в бездонную солёную прохладу. Андрей разделся, и на загорелом теле выделялась лишь его

бледная ладонь, имеющая много кривых линий.

Пока мальчишки галдели о правильности спора и своих предметах радости, Андрей вспомнил одну хитрость.

У стартовой площадки, какой и была назначена бетонная плита, располагалась железная дуга, взявшись за которую можно было перестать выплывать. Она находилась над нижней частью толстой плиты, и при погружении в воду он мог схватиться за неё для необходимого сопротивления силе солёной воды и буйным волнам, что так и стремились вытащить на поверхность. В морской глубине ржавый человеческий крюк не сложно нащупать, если знаешь, где искать. Такой план победы в споре отлично устраивал Андрея и, переглянувшись с соперником, оба прыгнули в воду.

В этот раз он знал, как поступить и потому начал держать воздух внутри самого себя, пытаясь хоть на минуту остановиться в окружении водяной толщи.

В море отразились ноги соперника, ныряющего на спор вместе с ним. Тогда Андрей решил попробовать оттолкнуться от плиты ногами и коснуться дна. Сквозь солнечные лучи, играющие с кораллами и манящие звуки волн, он услышал чей-то голос. Всего пара мгновений и вот почувствовалось песчаное дно и странное ощущение, не позволяющее выплыть на поверхность. Как будто нечто тяжёлое вдруг сдавило всё тело и как якорь оставляло внизу. В глазах потемнело, и сердце забило в ритме почти вечного движения ми-

нутной стрелки.

Глава 2

Море неприятностей

Поезд мчался с бешеной скоростью и, обгоняя все вокруг, резал солнечный свет. Из-за сумасшедших скачков тяжело было уловить запах. Окна в вагоне были разбиты, и пейзаж кое-как цеплял внимание на объекты окружающего мира. Тяжело было хотя бы на секунду заметить деревья, которые смазывались неуловимым взглядом проезжающих в поезде. Людей, которые даже не успевают или не улавливают ни один образ земного творения. Отчётливо виднелось только солнце, которое было больше всех и светлей. Оно то и дело кидало тени и освещало смазанные секундным временем деревья. Звук был невыносимо громким, казалось, что барабанные перепонки не выдержат стук колёс и марш механизмов.

– Как ты думаешь, ... что общего между машинистом и линией на твоей руке?

Сквозь шум послышалась мне странная фраза, и я переспросил.

– Что ты сказал?.. Повтори!.. – Громким голосом я попытался перекрыть окружающие меня условия.

– Посмотри на ладонь! Посмотри! – Джон повысил голос так сильно, как только смог.– Глянь, что ты на ней видишь?

– Ничего... На ней почти ничего нет – старался я заткнуть режущий шум, мешающий нашему странному диалогу.

– Вот именно... На ней ничего нет... Всего одна линия... Понимаешь?

Я посмотрел на ладонь. На ней действительно была только одна линия, я никогда этого не замечал.

Тут фразу оборвал гудок и предупреждение машиниста -

"Скорость снижается, грядет замедление перед последней милей. Просим пассажиров проявить терпение".

Вагон резко приостановил бег колёс и снаружи показался алый закат, обливавший светом поля и леса. Протяжный звук резко пробежался по ушам людей в салоне и оглушил всё то, что смело звучать так громко. Шум вскоре прекратился и я обратил внимание на то, где нахожусь.

Рядом с горизонтом виднелись облака, приобретающие форму огромной волны, какая бывает в момент цунами. Облачная сине-алая волна накрывала густой лес и омывала их

тенью. Невообразимая красота открывалась в миг короткого замирания в поезде. С замедлением колёс через разбитые окна в салон пробрался солёный запах моря и водорослей, тогда я почувствовал что-то неладное.

– Это проблема последней мили... Вечное ожидание... – Послышался голос сзади.

– Откуда этот запах? Как будто бы пахнет чем-то солёным. – В момент относительной тишины и медленного хода поездных ног я поинтересовался у Джона.

– Может его море неприятностей накрыло перед последней милей?... – Рассмеялся он над самой глупой шуткой.

– Кого его?

– Как кого? – Удивлённо посмотрел на меня Джон. – Машиниста, конечно! – Его лицо выражало какую-то потаённую правду, узнать которую стоило именно мне.

– Вот ещё, гадость какая – сказал я, не понимая, что к чему...

Обращая внимание на окружающих, и на то, как они на меня смотрят, вдруг на короткое время мой взгляд вместе с поездом остановился на прояснившемся пейзаже.

– Почему мы так резко остановились? – Я отдернул рукав собеседника и тихо задал следующий вопрос – И что за солёный запах?

– Это всё события в жизни, они тут иногда оставляют след на том, что нас окружает. – Тут он почему-то забавно ух-

мыльнулся.

– То есть существуют события, которые мы не видим?

В ответ на вопрос я услышал глухой взгляд и голоса, перекликающиеся сзади.

– Ты слышал, что машинист сказал? Мало того, что последняя миля и без того самый медленный этап, так ещё ждём прибытия до этой станции... – Эти голоса раздавались по всему вагону, и я в любопытстве обратил голову от разбитых рам, увидел за своей спиной томящихся в вагоне людей. В их глазах как будто не отражался пейзаж, а был лишь поезд, в котором они ехали.

Они, также как и мы, стояли и угрюмо смотрели, с зависшею мыслью в воздухе и в звуке.

Тут поезд начал набирать обороты, и стук колёс приобрёл прежний темп.

Глава 3

Единственная жизнь

Вдох ... Выдох...– Послышался сквозь тишину грубоватый голос. – Ещё раз...

Тут грудь начала давиться от тяжёлых рук и морская вода, попавшая внутрь, вдруг запросилась наружу. Сердце билось чаще и громче, и от каждого рывка сквозь бронхи, как слы-

шающиеся вдалеке морские волны, поднимался кашель. Медленно, но верно, они восставали из чуть живого тела и обозначали себя не как признак возможной жизни, а как отдельное существо.

– Что же вы стояли, когда он тонул? – Хорошо, что хоть кричать начали...

Из горла Андрея пробивалась вода, потому он продолжал сильно кашлять. Спустя пару минут, взглянув на мир, Андрей пытался начать объясняться.

Рядом с ним оказался местный спасатель и двое рядом стоящих приятелей.

– Я попросил достать со дна мою вещь – Вдруг не в такт и абсолютно бессмысленно произнёс Ганс.

Спасатель резко повернулся и недоверчивым взглядом посмотрел на Ганса.

– Я слышал чей-то голос, когда коснулся самого дна... – Вдруг вырвалось у Андрея. Спасатель привстал и помог поднять его с бетонной плиты.

– Ну, ты даёшь – Сказал Виктор – Разве так можно нырять? Я даже тебя не увидел в такой глубине. Зачем ты за плиту полез?

– Я решил дотянуться ладонью до дна.

– Так ты только до крышки гроба дотянешься. Ты же мог умереть! – Произнёс раздражающим голосом спасатель и обтёр руки от воды, как от того, чего бы стоило остерегаться.

– Я клянусь, что слышал голос! – Андрей вытер нос и виновато опустил глаза в земляную гладь.

Мальчики лишь переглянулись, не очень понимая суть такого рвения на дно.

– К чёрту голос! Ты что совсем дурак!?! – Продолжал спасатель, поднявшись на уровень выше. Говоря вслух, перебирая все возможные, по-видимому, аргументы, в которых видел на тот момент толк – Вот представь, утонул бы ты, как дьявол в воде или чёрт в омуте. Что бы с тобой было? Ты бы тогда не вернулся домой! Понимаешь? А как же твои друзья? Как же их жизни? – спасатель не останавливался в своих нотациях. – Они бы остались без тебя! Ты бы не вернулся к ним и не порадовался с ними летнему дню... Они бы так тебя и похоронили... – Он замедлил темп – А что бы им воспитатели сказали?

– Я понял... – удручающе сказал Андрей, по-детски и настолько невинно, насколько только мог. – Не буду так больше...

Спасатель помотал головой и осуждающе глянул на компанию.

– Чтоб больше я вас не видел на пляже! – Сказал спасатель озлобленным голосом, с нахмуренными бровями.

В расстроенном состоянии мальчики поплелись домой. Невыносимая тревога всё ближе подбиралась к рассудку, и за каждым надуманным действием или словом, как будто тянулось то самое море неприятностей, накрывающее своей волной. Именно от него с каждым шагом хотелось избавиться, как от ненужного груза.

Тропинка из стоптанной старой жёлтой травы вела прямо к дому. Солнце ещё висело на вершине, однако медленно и лениво уже желало опуститься вниз.

– Помнишь тот утёс? – нашёл новую живую мысль Ганс и спросил, смотря на Андрея. Кое-как через толщу своих собственных самокопаний Андрей услышал вопрос собеседника и в задумчивости повернул голову лишь через пару минут.

Идя домой, казалось, сама дорога говорит детскими, страшными голосами, и как будто один из них говорил прямо сейчас.

– Я про тот, который ещё на обрыв похож...

– Ну,... помню... – Отсмаркивая нос на ходу от морской воды, говорил Андрей. Чёлка свисала к земле так, что, подняв глаза, не увидеть было красивого синего неба, которое точно также походило на море своей яркостью и синим го-

ризонтом.

– Мы с парнями завтра договорились тарзанку сделать. Там спасатель нас не найдёт, даже если очень захочет. Он теперь в этой части деревни живёт.

– Что это за место? – Лениво и недоверчиво тихо поинтересовался Андрей.

– На другой стороне деревни, там, где обрыв и скамейка. Мы там собирались раньше. Помнишь, как тогда... Много лет назад, когда мы плот соорудили, чтобы уплыть отсюда? – тот посмотрел на друга добрыми глазами.

– А ты не помнишь, зачем мы уплыть хотели? – С искренней забывчивостью посмотрел он на Ганса.

Казалось, что и в этом возрасте Андрей легко мог забыть, зачем он плыл, так усердно и так долго, упорно преодолевая изгибы волн.

– Как это зачем? Тебе тогда было лет восемь, а мне четыре. Ты сказал, что мы поплывём за солнцем. Оно же больше нас и светлей. Как это ты мог забыть? Ты что, совсем не помнишь? Я тогда взял тебе и поверил, вот дурак... Даже слово с тебя взял, что доплывём. Совсем ненормальный – Ганс почесал голову и пожал плечами. – Жаль только спасатель это не оценил. Он тогда ещё на том берегу жил, совсем рядом. И когда увидел, нам потом обоим влетело, особенно тебе. Я видел даже, как тебя наказали, и как ты потом плакал, как девчонка – Тот ехидно усмехнулся.

– Я не девчонка... – Немного толкнув, Андрей обратился

к Гансу. Этот жест только на секунду соединил две противоположности, у которых точка соприкосновения могла находиться лишь в момент толчка.

– Ну, в этом я ещё не уверен. – Хитро произнёс Ганс, зная, что стоит за этими словами – Так ты пойдёшь?

– А ты? С чего бы тебе идти? Ты же слишком примерный для таких игр.

– Да, пряников у меня много. Но это всё потому, что я всегда умел заметать следы или обойти самые опасные дела стороной. Иначе за что бы мне выделили грант на обучение в гимназии? – Тот гордо провёл ладонью по своему телу и нагрето улыбнулся.

– Это всё потому, что я не влипаю в неприятности. Не думаю, что на этой тарзанке случится что-то из ряда вон выходящее. – С задумчивым видом прибавил он.

– Если мы будем осмотрительны, то ничего не случится, и мы сможем повеселиться, как следует...

– Я сказал остальным, что ты придёшь, они обрадовались... – То и дело добавлял он аргументы в пользу любопытной затеи.

– Чему это? – Он удивился и резко остановился на полпути. – Мне рады?

– Ну да... – немного погодя добавил Ганс... – Тебя же за твои проделки вон как уважают – Ехидно усмехнувшись, Ганс подошёл ближе – Ты-то в воде дольше всех держишься, то из дома сбегаешь, то на корабле в далёкие дали вплавь

ступаешь, то в лесу ночуешь несколько суток... Не все так могут.

– Тоже мне дело! – Отмахнулся рукой Андрей – Вот если я чего стоящего начну вытворять, то да! А это я от безделья! – Так и вылетело на колючем языке слово обо всей сущности маленькой жизни и в сути, и в жути душевной, что таилась внутри.

– Ну, брось хвастаться, я знаю, ты хочешь прийти. Ты всегда так смотришь на остальных, как будто выход ищешь. Чем тебе не выход из скучного мира? Я уже сказал всем, что ты будешь, так что завтра к обеду, около скамейки.

Их провожали медленно уходящее солнце и красный оттенок, потерявшихся в поле солнечных лучей. Тогда Андрей почему-то остановился и, немного погодя, пока Ганс ушёл вперёд, вдруг спросил молчаливого Виктора.

– Слушай... – Тихо произнёс Андрей, пока Ганс был впереди дороги.

– Чего?.. – Удивлённо посмотрел Виктор.

– Как думаешь, стоит идти? – Вдруг почему-то заинтересовался он. – Предчувствие у меня плохое.

– Ты боишься, что Ганс опять расскажет взрослым, что ты творишь?

– Нет, не боюсь. Я знаю, что ему есть, что терять. Поэтому, пусть терпится направо и налево! Мне-то что...

– А чего тогда?

– Ну, ты просто всегда молчишь. Может, посоветуешь что.

– Я тоже пойду на тарзанку, если вдруг что-то почувую, дам знать... – И тот дружелюбно подмигнул и улыбнулся, как только позволяла мимика лица.

– Ну чего вы там застряли? – Крикнул Ганс, уйдя далеко вперёд от стоящих на поле друзей. – Скоро солнце сядет! Нам нужно к ужину вернуться! – Сказал Ганс и начал держать шаг медленнее, чтобы уловить отстающие тени.

С опускающимся солнцем, они добрались по дороге и вновь попали в привычный детдомовский быт. Воспитатели уже вернулись из города и были так сильно заняты, что, по обыкновению своему, не заметили грустных лиц, передвигающихся по часовой стрелке. Дети зашли в дом и уселись в проходной, чтобы перевести дух. На выступе деревянной крохотной лестницы, на которой они часто сидели, как странники из далёких далей, были выцарапаны чёрточками маленьким железным гвоздём, который регулярно вырывался по собственной воле из щели дома.

Дверь между кухней и проходной была открыта и Андрей с ребятами могли прекрасно видеть и слышать взрослые разговоры воспитателей детского дома. Стены были красиво разукрашены детской принуждённой рукой, а лестничные перила у входа обрисованы разноцветной гуашью, которая томится в шкафу и всё ещё ждёт своих художников.

– Представляешь – Пронесся мужской голос сквозь раскрашенные фантазией и мечтами стены.

Александр Филиппович, на вид которому было лет пятьдесят, представлял собой сварливого старика, отдавшего жизнь науке. Он не очень любил детей и потому совмещал работу воспитателя детского дома с работой на кафедре. На его работе, судя по разговорам, было много студентов не очень умных. Но зато было много хорошо учащихся. Они часто приходили в гости к Александру Филипповичу, и он часто пил с ними чай. Судя по всему, так они выказывали своё уважение или истинное мнение в принесённом даре. Таковыми были шоколад или печенье, которое Александр Филиппович всё равно ел один. Не смотря на это, на вид он был очень несчастный, по его виду можно было предположить, что в мире не существовало ровным счётом ничего, кроме точных измерений и научных трудов, собранных одним человеком. Будто бы существовало только несколько учёных, которым стоило доверять, а все остальные лишь вели науку по неправильному и нелогичному пути. Эту точку зрения поддерживали и студенты, что учились лучше остальных.

– Сегодня один безумец выступал в высшем институте физики – Интонационно выделяя эту важную деталь, он тем самым говорил, как всегда гордился местом своей работы, даже не смотря на бестолковых учеников, – и озвучил на всю аудиторию теорию о квантовом бессмертии, сказав, что с ней его жизнь видна как на ладони.

– Неужели? И в чём заключалась эта теория? – спросила Ника. Она работала в биологическом отделении, и, в отличие от Александра Филипповича, была молода. За большую плату устроилась работать в детский дом и также совмещала дело всей жизни с работой, за которую платят. В своих кругах она была очень влиятельна и, не смотря на видимую мягкость, суровость взгляда всё равно прорывалась, как и жесты указательного пальца, то и дело напоминали человека напыщенного, но системного, которому бы стоило подчиниться.

– Молодой парень вышел сегодня. Встал за кафедру с очень важным видом и в своём докладе заявил: – Он достал из своего портфеля папку с бумагами и вытащил самую первую из них.

Александр Филиппович недовольно, с видом барского упущения, зачитал вслух следующее:

Опыт с котом Шрёдингера показывает, что суперпозиция важна не только в микромире, но она объясняет и многие явления из макромира. Квант как таковой невозможно измерить при попытках зафиксировать позицию или действие, квант перестаёт везти себя естественно и из-за постороннего «взгляда» меняет свою траекторию. На этом основании стоит полагать, что всё, что мы видим не только результат уже искажённой реальности, но и лишь доступная нашему гла-

зу вселенная, в которой мы живём. С каждым опытом кота Шрёдингера вселенная делиться ровно на ту, в которой кот умер и ту, в которой кот жив. А, соответственно, в данный момент я вовсе не читаю доклад. Это лишь ваша иллюзия и если вы думаете, что всё, что вы видите, это реальность, то я со своим ненастоящим докладом готов доказать вам, что вы и я это лишь одна из версий. Не верите? Ну, вы же сейчас смотрите не на меня, а на кучу квантов, которые ведут себя так лишь потому, что вы смотрите. Если бы версия меня была бы по-настоящему одна, то почему я не умер при самой первой случайности. В своей жизни я как-то вывалился из окна. Так вот в одной из вселенных я упал и умер, а в другой читаю этот самый доклад. К тому же как вы объясните линии на ладони? Смотрите! Их великое множество. Сколько линий, столько возможных версий меня. – Тут он показал ладонь и гордо произнёс "это всё версии меня".

Воспитатели рассмеялись, приняв это за невообразимую глупость.

– Это почти ненаучно и абсолютно глупо. Что этот студент о себе возомнил? Он думает, что я этого не знаю? Многие учёные не готовы мириться с этим фактом, и я их полностью поддерживаю. – Добавил в конце своего повествования Александр Филиппович.

– Я этому студенту ещё устрою, вот придёт сессию сда-

вать, посмотрим кто из нас больше в теории струн понимает.

– На моём факультете прямо пропорциональная история... Не поверите... – Вдруг сказала Ника – И почему дети имеют такое самомнение и всегда хотят высказывать больше, чем положено? Мы в их возрасте себе такого не позволяли! Правда, Александр Филиппович?

– Именно! – Подтвердил он и продолжал складывать бумаги обратно.

Андрей увидел, как глаза Ганса загорелись в такт с его. Обычно это редко происходит, так как Ганса всегда устраивало положение «младшего в доме» и, в отличие от Андрея, он никогда не позволял себе при взрослых поведение, выходящее за рамки. Он знал, что уже добился хорошего отношения к своей персоне, поэтому боялся перечить.

– А, по-моему, звучит привлекательно. – Как бы невзначай тихо произнёс Ганс.

– Да что ты говоришь такое? Это просто набор псевдонаучных фраз.

Александр Филиппович привстал и с недоумением посмотрел на него.

– Ты просто ещё не учишься толком и не знаешь, что в физике в действительности есть только два пути. Две главных теории. И мы сейчас говорим о неверной.

Он принимал на веру всё, что было ему удобнее и потому не мог понять домыслы студента, которые, как и послушник Ганс, вдруг решили, что они знают больше, чем Александр Филиппович, отдавший жизнь кафедре и своей почётной степени кандидата.

– Да это же абсолютно гениально! – воскликнул Андрей – Он редко поддерживал Ганса в его взглядах, но на этот раз не влезть было бы глупым. – Вы никогда в сказки не верили – продолжал он – А зря. Я почти уверен, что ваш студент абсолютно прав. Вам, как старику, просто тяжело признать, что есть люди умнее вас. – В этот момент Андрей рассмеялся, ведь подобные диалоги так часто не выдвигались на общее обозрение, что присутствовать при такой премьере было великой честью.

Александр Филиппович вспыхнул и на его лице выступил красный цвет.

– Да что ты такое говоришь? Как ты смеешь так себя вести со мной? – Такой сильной реакции невозможно было ожидать, однако даже тот гнев, который на мгновение отразился в глазах, не смог заставить потерять лицо.

– Марш в свою комнату – Александр Филиппович указал на лестницу и жестким толчком проводил его до своего места.

Друзья, видевшие такую неприятную ситуацию, почувствовали себя неловко и сразу разошлись по комнатам. Они знали, что нельзя перечить старшим, иначе те оставят их без обеда и вечернего покоя. Андрей, переплетая ноги, шёл наверх, и еле заметная слеза катилась по его щеке. Он зашёл в свою тёмную обитель, в которой ему всегда было одиноко и, лёжа в кровати, начал

перебирать воспоминания из сегодняшнего дня, которые вдруг медленно слепились в крепкий сон.

Глава 4

Солнце скрылось за горизонт, и месяц показал свой холодный лик. Загорелись звёзды и лес, мелькающий на скорости. Он слился в чёрную мохнатую массу, похожую на бороду.

Я обратился к Джону, желая продолжить начавшийся диалог.

– Так что ты там говорил про руку? – Снова спросил я, желая хоть как-то разбавить вечное непонимание.

– Посмотри на свою руку! Ты видишь линии?

– Нет на ней линий! Разве что одна. – Добавил я, осмотрев свою ладонь, на которую падал оранжевый оттенок за-

ката вперемешку с морским цветом неба. На моей ладони и правда была только одна линия.

– Как ты думаешь, почему так?

– Наверное... – Призадумался я. – Так у всех. Мы же с тобой люди. У нас с тобой одна жизнь и одна реальность, чего же более?

– Вот именно.... У нас с тобой есть реальность, только у каждого она всё равно своя.

– Это ещё почему? Бывает иначе?

– Каждый видит по-своему. И каждый создан только для своей реальности. ... В этом его жизнь.... Понимаешь? Поэтому у нас с тобой ровно по одной линии на ладони.

– А у всех так?

Немного помолчав, Джон ответил:

– В этом поезде у всех так. Линии на двух руках одни и те же, но между пассажирами разные...

Я взял за руку Джона и посмотрел на его ладонь. Странное дело – Подумал я. Линии у нас с тобой разные, но у каждого по одной.

– Почему так? – Я поглядел на него с абсолютным непониманием происходящего.

– Ты лучше спроси, куда мы едем?

– До последней мили, конечно. Это же очевидно. Последний этап от посылки к получателю. «Мы приедем, и нас при-

муг в жизнь почти как посылку, только людей» – Так, по крайней мере, ещё думал я... Но ты так и не ответил на вопрос. Почему только по одной?

– Каждый живёт в своём пути и каждый видит то, что хочет – Побуждающим тоном он продолжал. – А вот представь, вдруг она одна только у тебя.

– Как это так? А у тебя тоже одна реальность и линия пути тоже одна... Ты же сам только что сказал, что тут у всех по одной... – Я удивлённо посмотрел на Джона.

– Да. В этом мы с тобой равны. Только я знаю больше...

– Что же ты знаешь?

– Я и Ты – это только версии одного человека...

– Как это одного? – Недоумевая, я начал обрывать на половине фразы.

– Ты и есть один исход событий, я другой. Линии на нашей руке именно об этом говорят.

– Но, как же мы едем в одном поезде, раз мы и есть линии жизни на руке.

– Ты не понял. Мы не сами линии, мы версии, что ездят в поезде по рельсам.

Пока мы едем, мы два возможных исхода событий и значит, что мы когда-нибудь с тобой будем в жизни машиниста. У него не одна линия, у него их много. Наша линия есть наше предназначение. Мы – исход событий у главного человека в нашей реальности.

– А как же люди, что вокруг?– Я окинул рукой других пассажиров поезда текущей жизни.

Тут колёса застучали сильнее и звуки из спящих превратились в просящие и громкие.

– Они тоже проекции... Другие версии жизни... Возможные исходы событий.

После этих слов лишь часть моей реальности начала проясняться. Я не мог поверить своим глазам, глядя на тех людей, что лишь взором и пониманием отличались. Они такие же, как и я, и их имена, их мысли, чувства, жесты руками или мотание головой, медленные или быстрые шаги, всё то же самое, только я никогда не был ими. Они совсем не я. Они исходы событий в своих версиях, в своём пути, и в этом заключается их жизнь. Их путь по линии.

– Какие события тогда исполняют они?

– Те, что не принадлежат ни мне, ни тебе. Они только их. Только личные.

Это обычно становится понятно на предпоследней станции. Ты сам поймёшь, что ты за версия, какое событие ты исполнишь и оставит тебя машинист или нет.

Странно звучала эта фраза... Как будто не я выбираю, а только тот, кто у руля. Как будто всё моё существо – это совершающееся действие, а не жизнь, на которую уйдут годы.

– Как это Машинист может меня не оставить?

– Ну, предположим, сегодня ты поел в вагоне ресторане и тебя отравили.

– Но меня не травили!

– Я знаю... Дело не в этом – Джон продолжал. – Предположим, тебя отравили и ты умер. Теперь ты бы не смог стоять здесь и разговаривать со мной. Тогда бы я говорил с другой проекцией жизни, с другим исходом событий.

– Посмотри на него! – Джон указал мне на парня, стоящего рядом. Его черты лица чертовски сильно напоминали мои.

– Ты бы разговаривал с ним? – Возбуждённо поинтересовался я.

– Да. С ним. Но сейчас я говорю с тобой, потому что ты жив и ты подошёл ко мне. Значит, машинист допустил твою жизнь и решил не губить тебя как версию, как все эти исходы событий. – Кивнув головой, он добавил – Ты ещё несовершенный выбор, и в этом ты совершенен.

– А ты совершенен?

– Да, я же тоже ещё не сбылся и к тому же я стою с тобой – Тут он посмеялся, очень по-доброму и показался мне другом.

– А если одна из версий не может сбыться? Предположим, я отравился и не говорю с тобой... Что тогда?

– Тогда освободится место для другого исхода событий и, перекинувшись словами с ним, мы будем ехать, даже не зная, что ты когда-то был или мог сбыться.

– А что такое должно произойти в жизни машиниста, чтобы я отравился?

– Не знаю.... Ну, например, если бы условия убили бы почву, и никакого выхода не осталось, ты бы тогда не выжил.

– Это как?

– Ну если бы... – Тут он замешкался и неохотно сказал – Ну, если в жизни произойдёт то, что не позволит совершить какое-либо действие, сдвиг, критическая ситуация или, если надежда на что-то умрёт, тогда тут целый поезд может исчезнуть – Смотри – он указал мне на другого похожего человека. Тот уже высовывался в открытое окно вагона и в секунду отпустил ноги от деревянной рамы. В мгновение ока тело растаяло в мелькании деревьев и быстросушающихся куда-то зелёных полей.

Я успел увидеть лишь его тень, которая испарилась в быстромменяющихся кадрах окружающего мира. Стало невыносимо страшно и сердце забилося быстрее.

– Что это было? Зачем он выпрыгнул?

– Это то, о чём ты спрашивал. Одна из версий больше не может существовать. Видимо, в главной жизни произошло что-то, что изменило поведение машиниста или убило надежду, сделав невозможным тот исход событий, который сейчас выпрыгнул из вагона. Поэтому так происходит.

Я не мог поверить своим ушам. Всё это время мне казалось, что я живу, как самый обычный человек. Я просто еду в поезде, вокруг меня кадрами мелькают люди и, звонко унося моё сознание, шумы механизмов являются неотъемлемой частью моего пути. Столько свободы в этих быстронесущихся мимо деревьях, неужели это тоже все иллюзия, и я действительно проекция кого-то другого?

Джон буквально прочёл мои мысли и сказал.

– Когда мне рассказали, я тоже сначала не поверил. Я ведь почти такой же, как ты. Только я двигаюсь по другой линии, не по той, по которой ты идёшь.

– Но ты же едешь со мной... Как ты можешь двигаться не по той же линии? Мы же едем по одним рельсам – Возразил я.

– Действие, которое решит мою судьбу, ещё не произошло. Поэтому я стою с тобой, даже при разных линиях. Я точно уверен в том, что мой конец совсем другой.

– Какой же?

– А я тебе об этом позже скажу.

– А мой?

– Твой мне известен, ты как минимум не отравился в вагоне-ресторане.

– Хорошо... – Недоверчиво добавил я – Предположим...

Я верю... А когда оно наступит? Действие, решающее твой исход?

– Совсем скоро должна быть и моя развилка.

– И тогда ты сойдёшь с поезда?

– Да.

– А для того парня, который уже спрыгнул из окна? Для него уже была развилка?

– Обычно, пассажиры не выпрыгивают без нужды. Возможно, в жизни произошло независящее событие. То, которое обычно не выбирают. Оно зависит только от условий.

– А это хорошо или плохо?

– А это ты мне скажи.

– То есть, если я выпрыгну, значит жизнь машиниста отвергает мой конечный исход событий? Как и отравление в вагоне ресторана?

– Абсолютно точно.

– Значит, вместо этих исходов событий обязательно придут другие?

– Ну, это не факт... Может и не придут, обычно выпрыгивают по сильному желанию машиниста, если точно знают, что так надо. Вместо них может никто и не прийти.

– А если я сам решу прыгнуть?

– Тогда ты не станешь машинистом, и твой исход будет невозможен для этого водителя.

– А у меня есть шанс?

– В этом мире он есть у всех.

Глава 5

Сон

После тяжёлого вечернего разговора, Андрея одолела тяжёлая, как камень тоска и в соленом вкусе слез он опустился на постель, оставив позади все силы.

Его глаза сомкнулись и во сне начали мелькать непонятные кадры, то и дело сменяющие друг друга. Вдруг, один кадр резко остановился, и Андрей увидел нечто страшное. Будто в огромном окне тёмная мгла, а со стороны окна светят фонари. Их свет падает прямо на скользящие рельсы, по которым едет поезд, управляемый им одним. Вокруг лишь жуткий шум и еле заметный небесный свод, на котором видны маленькие звёздочки. Быть машинистом представляется ему таким тяжким и долгим трудом, что он хочет поскорее закончить работу. Глаза закрываются, и он засыпает прямо на водительском кресле. Однако по-прежнему видно, как поезд всё мчится с бешеной скоростью и вдруг на дороге появляется развилка. Андрей резко открывает глаза и поворачивает поезд в одну сторону. Вдруг он слышит, как пассажи-

ры разбивают окна. Они выпрыгивают прямо из вагона и их смертные тела остаются где-то позади. Позади поезда, что несётся как человеческая жизнь. Тогда на следующей развилке Андрей поворачивает влево и поведение пассажиров повторяется. Звук дребезга окон раздаётся с невиданной силой. Стёкла разбросаны по всему салону и из уже пустых рам прямо в расплывчатый пейзаж прыгают люди. Они зацепляются за раму и абсолютно по-сумасшедшему желанию уходят в последний путь. Таков был конец их маленькой жизни.

В глазах Андрея мелькает надпись, повисшая над дорогой "выбор сделан".

Тогда Андрей пытается остановить поезд, но ничего не получается. За огромным пультом находится множество кнопок и рычагов, но нет ни одной, способной остановить скорый вагон жизни с разбитыми окнами.

Он пытается сохранить пассажиров и нажимает на кнопку, которая подаёт сигнал в зал: "Скорость снижается, грядет замедление перед последней милей. Просим пассажиров проявить терпение".

Даже во сне очень хотелось сохранить всех пассажиров. Он не знал о том, что есть проблема последней мили и что она означает. Однако в тот момент ему показалось, что в случае вынужденной остановки у него, как у любого человека, будет выбор пути. Страх охватил всё тело, и что-то очень холодное коснулось сердца. Что-то такое, чему невозможно

было противостоять не во сне, ни наяву.

Испугавшись, Андрей резко вскочил и поглядел на себя, вся кровать была в холодном поту.

За окном красивым светом мерцали звёзды, и окрестности вокруг были объаты тьмой. Она была бездонной и густой как камень. Только вид из окна мог в тот момент успокоить. Синий свет луны светил на постель и окрестности маленького замка. Тяжело было принять строгость воспитателей, но и не легче было сохранить самого себя на железной дороге.

Тогда Андрей встал с кровати. Время было позднее, и ему меньше всего хотелось кого-либо потревожить, особенно видя, как на соседних кроватях всегда кто-то спал. Его соседи сейчас видели другие сны, как и те, кто находились в противоположной комнате. Будить их было бы абсолютно глупым решением. В момент, когда темнота отдавала предпочтение пустому молчанию, хотелось только разглядеть спящего и слабого человека, тот покой, который рождался, как ему казалось, особенно по ночам, в уже безжизненном теле.

Андрей вышел из дома и побрёл по чёрной, измазанной потерянными мыслями, зловещей улице. Шатаясь как призрак, можно было заметить недавно проснувшуюся от отвратительного сна тень и тихие шаги, шепчущие что-то, для измазанного чернилами зелёного поля.

На перекрёстке стояли фонари и освещали уже спящие дома и комнаты, усопших деревянными застройками соседей.

Дорога пахла недавним дождём и пылью, прилипшая к траве, создавала очень знакомый запах, какой обычно чувствуешь в самые прекрасные и по-своему романтические дни.

Собаки из соседних дворов завывали как самые настоящие волки и пели песни, как обречённые тяжкой болезнью. В каждом их тоне или голосовом переливе слышалось то, о чём они молчали днём. Наверное, в ночной тишине они думали, что их так лучше услышит луна. Звучащий друг за другом протяжный вой или песня были посвящены ей, той, которая наверняка слышит каждый их писк или поступок, за который придётся отвечать.

Но в один миг погода вдруг переменилась, и каждая собака во дворе утихла. Фонари вдруг начали потухать в своём собственном ритме, то и дело подмигивали друг другу, и ветер зловеще поднялся над деревней. Он будто шептал о том, что Андрей ещё спит и всё, что происходит это лишь часть огромной вселенной. Об этом скребли небо звезды, и пела полная от счастья луна.

На дороге появилась женщина во всём чёрном. Издалека Андрей увидел неземную красоту под длинным одеянием и огромные золотые серьги. Женщина вдруг начала подходить ближе, и он увидел её сверкающие глаза, смотрящие сквозь всё его тело.

Не успел Андрей моргнуть, как она подошла совсем близко и взяла его руку.

Проведя по ладони, она заговорила манящим голосом, от

которого тянуло не то в сон, не то в вечный покой.

– Завтра на закате ты увидишь смерть, и поменяется дорога жизни.

Андрей не успел даже уронить ненужную мысль, как исчезла тень женщины и вместе с ней растворилась во тьме. Андрей почти сонный попал в дом и лёг на уже остывшую кровать. Остальных предсказаний уже не было в памяти, но, казалось, что они всё ещё сидят где-то глубоко – глубоко и просто ждут своего часа, своей минуты и возможности на совершение.

Глава 6

Поезд начало трясти из стороны в сторону. Прибывая в стоячем положении вместе с Джоном, я наблюдал всё, что было подвластно моему взору. За разбитым окном вдруг появилась гроза, и гром стрелял в паре сантиметров от проезжающего вагона. Люди переполошились и странные разговоры поползли по салону, как множество тараканов...

Я плохо слышал, что они говорят, до моего уха доносилось лишь:

– Он узнал запретное... – Теперь кто-то из нас... Кому прыгать?... Кому?..

Тени и людские образы вокруг замельтешили и Джон взял меня за запястье.

– Тебе не страшно? – Спросил он меня.

– Почему мне должно быть страшно?

– Машинист узнал то, чего не должен был... Теперь мы едем по полю без дороги. – Произнёс он, тем самым оглашая новый этап.

– Что он узнал? Почему в поле без дороги?

– Такое бывает, если машинисту предсказали будущее. Теперь может произойти всё, что угодно. Нет мыслей, есть только слова в голове, которые сносят всякое намерение и возможность событию осуществиться. Становится пусто, как в поле, понимаешь? Когда человеку предсказывают, он узнаёт то, чего он не должен знать. И теперь все его действия и поступки будут происходить не по причине его изначального пути и выбора, а из-за случайно полученных знаний, которые ему не принадлежат.

– А разве это плохо? Иметь такой выбор, зная о будущем? – В недоумении я посмотрел на него, и мой взгляд выделялся на фоне окружающей беготни.

– Да. Даже выбора всегда столько, сколько нужно. Ты же не знаешь, как закончится твоя жизнь, значит тебе так надо.

– Выходит, у нас с тобой поэтому, как у версий, нет выбора? Мы лишь последствия действий машиниста? Да?

В один миг глаза Джона стали абсолютно безумны и длинная улыбка растянулась по широкому лицу. По его телу бегал бесконечный и бездонный страх.

– Теперь всё выходит из под контроля. Кто-то из нас двоих скоро прыгнет... Понимаешь?

Он резко схватил меня за футболку и посмотрел подозрительным взглядом.

– А вдруг это ты? – Сказав это, он резко схватил меня за ткань одежды и поднес к разбитому стеклу. Вытащив одной рукой наружу, он, не переставая, смотрел на меня в упор. Я не успел воспротивиться и в ту же секунду оказался за пределами вагона.

Я увидел бездну позади и чёрное поле, не имеющее ни конца, ни края.

– Стой! – Резко крикнул я и взял его за руку. – Это не тебе выбирать.

Пока я находился в подвешенном состоянии, то видел, что под ногами ничего нет, слева и справа тысяча вагонов, освещённых ярким жёлтым светом, а сзади ветки деревьев, тянувшие свои деревянные лапы ко мне.

В этот момент я увидел в глазах мысли человека, пытающегося меня выкинуть из чужой жизни. Сумасшедшие мысли с перемешанным страхом, но, тем не менее, это всё ещё были мысли Человека, тоже незнающего своего конца. За безнадежной и страшной мыслью уже поползла медленно, но, верно, мысль вразумительная. Она тогда и дала добрый свет его действиям.

– Ты прав... – с сожалением он достал меня с другой стороны и поставил на место.

– Извини... Просто незнание своего пути для меня самый большой страх. Вдруг он теперь вообще всех выкинет. И мы

все не доедем до конца.

– Почему ты боишься? Я думал, ты знаешь свой путь, поэтому так уверен.

– После этого поля без железной дороги теперь непонятно. Вдруг, я ошибаюсь. Знаешь, как страшно бывает ошибиться, будучи уверенным в том, ради чего живёшь? Я вот живу ради конца...

– Не знать – это нормально. Я ведь не знаю, чего мне?

– Твоя версия очень бесстрашная, я тебе скажу. Я привык все знать, даже будущее, разумеется. Я даже наметил, когда умру, а тут на тебе...

– Как же ты можешь наметить, если ты только версия возможного исхода событий? Ты же не можешь наметить будущее, эти знания тебе не принадлежат!

– А я просто могу поверить. Понимаешь? Верю, что чья-то жизнь не выкинет мою версию, и я буду жить, пока мчится поезд, именно поэтому я верю, что ещё жив ...

– Это предсказание так поменяло твоё поведение?

– Да. Оно всех поменяло.

– Всех? Почему?

– Потому что теперь поведение машиниста изменится. Он ведь знает или догадывается о будущем! Он в него смотрит, как на свою ладонь, диктующую путь. Будущее по этой причине меняется. Как молекулы или кванты оно начинает вести себя совсем иначе. Машинист же смотрит и может выбирать: следовать или нет, согласиться или выбросить нас в окно...

– И что же нам остается, раз мы варианты его жизни?

– Сидим и ждём, что будет. Сидим и ждём.

– Джон резко уселся на свободное место и я рядом с ним.

Мне стало не по себе от осознания того, что теперь от меня ничего не зависит. Я или прыгну, или доживу до последней мили, где меня должно быть и примут в жизнь... Ужасное ожидание... ещё и линия на руке начала меняться... – Я оглядел свою ладонь.

– Так у всех сейчас. – Сказал Джон, взглянув украдкой на моё любопытство. – Потому и страшно.

Последняя миля означала конец большого пути. Эта станция даже на почте являлась самой длинной. От отправителя до адресата только миля, но она проходит медленно, иногда длиною в чью-то жизнь.

– А ты веришь, что всё ещё будет хорошо? – поинтересовался я.

– Надеюсь...

– Кажется, меня начинают одолевать сомнения.

– Сомнения – первый враг в нашем поезде. Он тоже решает наш исход, только ступает этот враг не из макромира, а из микромира. Из нашей головы прямоком в поезд и так пока не найдёт свою жертву. Всё может поменяться, потому что ты или я сомневаюсь, даже рельсы уходят вглубь грунта, если сомневаются, движется ли по ним поезд. Твой путь не сможет тебе соврать, если ты движешься быстрее сомнения. Если ты летишь жёлтой стрелой, как поезд.

– А он может соврать?

– Как и все люди, мой друг. Как и все люди.

– Выходит и ты мне можешь соврать?

– Ну, это смотря, что ты называешь ложью. Я, как версия, быстро меняюсь, соответственно и соврать могу.

– А почему я не меняюсь?

– А это ты мне скажи.

Глава 7

Солнце над домом снова поднялось, и он почувствовал манящий запах с кухни. Медленно, но верно он застелил постель и вошёл в уборную.

Александр Филиппович уже вышел из неё и встретил воспитанника укоризненным взглядом. Он всё еще помнил вчерашнее поведение, и ему было не по себе от того, что парень с каждым прожитым годом набирается смелости в споре с воспитателями и может начать вытворять то, что ему вздумается.

На завтрак часто звали гостей и соседей, и Андрею очень это нравилось. Он никогда не знал, кто сегодня придёт разделить с ними трапезу и потому старался всегда выглядеть в лучшем свете, хотя бы перед гостями.

Он зашёл в туалет и принялся умываться. Посмотрев на себя в зеркало, он сказал

– Это наверняка был просто сон и ничего плохого сегодня

не случится. Может лучше никуда не идти? Но как же тогда тарзанка?

Мальчишки обещали сделать её сегодня... Я не могу это пропустить... – Подумал он.

Из-за двери послышался женский голос. Это была Ника, зазывающая на завтрак. Она в очередной раз предупредила, что гость уже пришёл.

У Андрея вдруг застучало сердце. Он почему-то испугался и по его телу вновь покатился холодный пот.

Выйдя из ванны, он пошёл в свою комнату, оделся и причесался. Спускаясь вниз, он увидел на кухне Нику, разливающую чай на пятерых и тарелки, с приготовленным на завтрак пирогом. Запах стоял превосходный и потому Андрей ускорил шаг, как вдруг заметил до боли в сердце знакомый силуэт. Это был спасатель, который вчера вытащил его из воды.

Андрей испугался и лишь мысль успела пролететь в эту долю секунды: "Хоть бы не рассказал, что я на море ходил"

– Ну... Здравствуй – с ухмылкой поприветствовал спасатель.

– Доброе утро... – Андрей улыбнулся и наиболее правдоподобно попытался скрыть страх с лица. Руки вспотели, и он заметно занервничал.

– Проходи, чего ты стоишь... – Сказали воспитатели и по-

додвинули стул для принца из детского дома.

– Как поживаете? Как дети время проводят? – Спросил спасатель у взрослых.

– Прекрасно живём. Вот вчера проводили семейный ужин. И как обычно вечер кино.

Перед глазами почти взрослого ребёнка разыгралась одна из тех лицемерных драм, терпеть которую приходилось с особой тщательностью, как того диктовала внешняя мораль. Одна из сторон, в силу своего незнания, пока ещё представляет его интересы, а значит удобнее молчать.

– Как вы поживаете? Как работа на пляже?

– Да... Всё также – добавил он – Люди всё так же смело бросаются в море, не желая кричать о помощи.

– Какая прелесть, – говорила Ника, – что вы есть на этом свете, не правда ли? Взрослые сейчас совсем как дети. Делают только то, что вздумается.

– А стоит ли кричать о помощи... Если всё равно не услышат – По чистой случайности Андрей вложил фразу на стол.

– Гордость и неумение ценить свою жизнь никогда не спасала тонущих.

– Совсем никогда? – Продолжал он.

– Разве только утопленников. Хотя, однажды случай был

...

Стук сердца звучал в такт с каждым словом спасателя и окутывал страхом утреннее сознание мальчика.

– Какой же? – Спросила Ника.

– Парень отчаянно пытался достать до дна. Как будто там лучше, чем здесь.

– Не согрешивши, не покаешься... Кажется, так говорят – Доедая свой завтрак, сказал Александр Филиппович.

– Тогда и он пусть покается – головой спасатель указал на Андрея

– Мы чего-то не знаем? – Удивленно спросил Александр Филиппович

– Товарищ пытался вчера дотянуться до дна. Да, Андрей?

Чего же ты там нашёл?

– Я слышал голос, я поверил, что возможно ещё изменить события.

Напряжение за столом резко возросло и тяжёлые мысли зависли в воздухе. Так продолжалось не долго, пока Александр Филиппович не сказал:

– Как ты смел без разрешения уйти вчера?

Он еле сдержался, чтобы не крикнуть. И потому просто нахмурил брови и осуждающими глазами коснулся стола..

– Кто с тобой был?– продолжал он.

– Никого.

Мальчишки сидели притаившись в своём застольном углу.

Спасатель резко понял, что произнёс нечто серьёзное и в доме совсем не та обстановка, какая бывает в обычных семейных домах...

– Возвращайся в свою комнату, ты под арестом – Грозно

приказала Ника.— Поговорим об этом позже.

"Вот я и нарвался на неприятности. Сам виноват. Нужно было меньше слушать" подумал Андрей.

Выйдя из-за стола, он поднялся наверх и погрузился в невыносимую злобу.

— Как же так? Мало того, что я тут и так ненадолго, так даже спасающий человек играет против меня.

Столько злобы ещё не приживалось внутри маленького человека и он, желая от неё сбежать, открыл окно. Вечные мысли о смерти всегда тянули в какую-то крайность, как далёкая от окна земляная гладь или морское дно. Наверное, этот голос также маняще умел тянуть к смерти, как и к тому дну, до которого хотелось достать.

Солнце уже светило нераннее и он через карниз пролез по пожарной перилле. Под ногами было только два этажа и, задержав дыхание, как перед глубоким погружением, он прыгнул и полетел прямо на землю. Время замедлило свой ход, и падение было тем самым событием, которого он хотел, ведь его так же, как и поступки нельзя контролировать.

Глава 8

От долгих скитаний линии остановились, и под колёсами поезда снова послышался привычный стук.

– Моя линия остановилась.

– И моя. Обратного пути нет.

Я смотрел на свои руки с какой-то невообразимой надеждой. Будто бы верил, что всё будет хорошо. Однако зная, как быстро меняется человек по скорости течения его жизни, я подумал, как очередное изменение условий поменяло соседнюю версию.

– Скажи, Джон...

– Чего тебя опять? – Его тон резко изменился.

– Ты веришь, что всё будет хорошо? – Я по-детски посмотрел на него, и мне показалось, что моя линия вдруг стала какой-то особенной.

– Уже нет.

– Почему? Мы же снова на рельсах?

– Не верится даже... Теперь мне моя линия верить не позволяет. Я как будто утратил нечто ценное.

– Что например?

– Веру в себя.

– А в жизнь?

– А в жизнь я всё ещё верю. Я же слышу стук колёс.

– А почему все здесь хотят добраться до последней мили?

– Это гарантирует то, что один из нас станет вновь машинистом. Согласись, что быть за рулём и ехать в поезде это разные вещи.

– Пожалуй, да. А если машинист сможет остановить поезд и не сделает выбор, то, что будет?

– Машинист не может остановить поезд... Он же живёт... Пока течёт жизнь, двигается поезд... Но если выбор не сделан, а станция наступила конечная, значит мы, как версия жизни, уходим к другому машинисту. Тогда он, либо выкинет нас из окна своим решением, либо пустит за руль.

– А те, кто выпрыгивают, умирают?

– Я не знаю, я там не был. Живу себе и живу, чего пристал-то? – Вид Джона стал каким-то раздражённым.

Тут к нашей полемике присоединился третий.

Его буквально распирало от сумасшедшего смеха.

– Разве это жизнь? Вы только посмотрите вокруг? – Захлёбываясь слюной, он продолжал – Нет никого поезда... Меня нет и вас тоже нет. Мы не живём, а лишь подчиняемся условиям. Мы уже не мы и всё вокруг это лишь жалкая ложь во благо нашим проекциям.

– Как это так? – Я не поверил и даже подумал, что это безумие, какое бывает у Джона. Теперь оно переросло во внешний бунт человека, стоявшего напротив нас.

– Люди! – Закричал он на весь вагон. И пассажиры облепили его со всех сторон – Мы не живём. Всё это лишь нас подчиняет. Это не жизнь. Последняя миля не на остановке! Она за разбитым окном.

Его силуэт начал поглощаться массой похожих на него людей.

Тут он в момент пропал из виду. В одну секунду я услышал, как он разбежался и прыгнул в бездонный рассвет, размывающий вид деревьев.

– Нет! – Вскрикнул я, пытаясь его поймать. – Джон схватил меня за запястье и остановил мой бессознательный и бес-

полезный крик. В этот момент мне почему-то стало страшно за все те версии, которые, претерпев изменения, не смогли вернуться на свои внутренние рельсы.

– Он прав! – Воскликнули несколько голосов – Вперёд за ним! Здесь больше делать нечего. – И протестующая часть густой толпы начала выскакивать из вагонов.

Глава 9

Пару минут Андрей лежал на траве без сознания. В глазах промелькнул образ цыганки, которую он встретил этой ночью.

Его рука сильно болела и, опираясь на соседнюю, встать представлялось более сложным делом.

Рожь пенилась в объятьях легкого ветра и, встав на ноги, он стал бежать так быстро, как только смог.

Пока он бежал, он вспоминал каждый переулочек, на котором помнились и крепились разные несчастья. Крепкие слёзы оставались на поле, обиженные и брошенные слова вырастали в деревья. Из-за этого их так много в лесу. Из-за бесконечных обид и детских тревог стоял невообразимо сильный запах плохой памяти. Как будто природа сплела из них венки утешения и окружала старый детский дом, в котором

никто даже не знал, что представляет из себя Человек.

В голове крутились воспоминания о том, как его могли бить или выгонять, говоря, что люди себя так не ведут. Оставляя на долгое время без еды и воды или упрекать в собственной ничтожности, за которой стояло неумение добиваться поставленной цели. Все эти крики перекликались в сердце и расстилались по полю, от которого так хотелось унести свои ноги, но почему-то так редко удавалось. Оставалось только грезить о том, что когда-то всё поменяется.

Столько свободы было в одном беге. Пока он бежал, не было ни детского дома, в котором он был не нужен, ни друзей, с которыми почему-то в последнее время не находилось общего понимания вещей, помогающих в жизни. И в этом долгом беге будто скрывалась вся та малая истина, которую человек способен обрести на пути к конечной станции.

Андрей добежал до небольшого утёса. Закат освещал обрыв, на котором была расположена деревянная скамейка, сделанная своими руками и старый дуб, в котором можно было отыскать старую трещину ровно посередине. На нём обычно мальчишки делали тарзанку. Только в этот раз хулиганское дело ещё не представлялось законченным. На ветке лишь располагалась верёвка, ждущая своего часа.

Тогда Андрей сел на скамейку у обрыва и начал присталь-

но глядеть куда-то вдаль...

В его голове вдруг обрисовался один случай, как однажды какие-то люди оставили его в четыре года с чужими детьми. Они были незнакомы и у маленького Андрея доверия не вызывали. В этот день он понял, что взрослые тоже умеют предавать. И то мужское и женское лица, сопровождающие его первые четыре года, всего лишь проводники к нормальной жизни и к другому взрослому миру, в котором для него не было места.

В своих раздумьях Андрей не заметил, как сзади него сел старенький дедушка на скамейку. Он был совсем глухим, и это придавало благородства его характеру. Благодаря этому к нему часто приходили рассказывать тайны. За его немощность, его так и прозвали на всём селе Глухой Пётр. Он работал каменщиком и помогал строить в городе храмы и дома для всех нуждающихся. Любое мужское рукоделие было ему подвластно, но из-за своей глухоты он работал один. Также он строил кормушки и маленькие сооружения для птиц, оставшихся без дома. Всё это частенько украшало деревню и дома, в которых обитали местные жители.

Тогда Андрей подошёл ближе и услышал речь, которая никогда не получала обратной связи. Пётр просто говорил, что вздумается, прекрасно понимая, что даже если ему кто-

то что-то скажет, он всё равно не узнает слова ему адресованные. Он увидел садившегося рядом Андрея, но так и продолжал говорить, кормить птиц зерном и оставшимися кусочками хлеба.

– Только вы на войне видели как мне тяжело пришлось – Говорил он птицам-...Кушайте-с...На...– Он кинул небольшой кусочек хлеба.

– Это вы поэтому глухой? – По привычке спросил Андрей.

– Что? – Крикнул старик. – Я не слышу! Глухой я, понимаешь? На войну попал и слуха лишился. Лучше ты рассказывай мне свои тайны... Ко мне все в селе за этим приходят!

– А откуда вы знаете, что к вам за этим приходят? Вы же глухой...

– Что? – Дед посмотрел на Андрея абсолютно непонимающим взглядом. Он и вправду ничего не слышал, но, кажется, понял вопрос по одним только глазам.

– Я вижу, как приходят... Ходят ко мне в дом и на улице подходят и говорят... И говорят... Они знают, что я ничего не услышу... Поэтому и готовы исповедоваться мне, как священнику.– Немного погодя, он добавил.– Ну чего же ты молчишь? Я слушаю, но не слышу. Коль пришёл, болтай свою жизнь. Осуждать не буду, я всё равно глухой – Тут он по доброму засмеялся и добавил.– Я всякое на войне видел.

В этот момент лицо старика пронзилось какой-то необык-

новенной добротой и всепрощенским состраданием к людям, которые не способны ничего рассказать друг другу и потому вынуждены исповедоваться немощным и глухим.

– Знаете, дедушка Пётр.– Начал Андрей. – Я всегда скрываюсь и бегу от людей. Они в детстве меня часто обижали и говорили много дурного. Я даже помню людей, которые сначала были призваны Богом меня любить, но почему-то передумали и отдали меня в этот детский дом.

– Что-то глаза у тебя красные от слёз пока говоришь... Ты что плачешь? – Дед посмотрел на меня и сказал одну из тех фраз, которую он говорил всем, кто к нему приходит.

– Посмотри на птиц. – Он показал пальцем на ястребов и орлов, что парили высоко над землёй.– Как бы там не было тебе тяжело и грустно, но знай, что птицам, которые летают высоко, им всё равно. Всё равно на твои горести и печали, всё равно, что ты чувствуешь. Но если ты их не накормишь, не построишь им дом или храм, то вся твоя жизнь, это лишь случайно произошедшее событие, не приносящее ничего этим птицам.

– А для кого мне дома строить если...– Тут старик начал перебивать монотонной густой речью.

– Я когда молодой был, ещё до войны, дома строил, а потом уезжал. Так тепло было на душе от одной мысли, что мои стены кого-то берегут. Я тут, а дом там. Мои стены хранят чьё-то счастье или держат чьё-то горе. Это лучше, чем без стен.

Вдруг голос старика стали перебивать вернувшиеся из разных домов мальчишки. Десятки голосов хлынули волной на двух собеседников, сидящих на скамейке.

– Что ты с ним говоришь? Он же всё равно глухой! – Смеясь, сказал один из мальчишек и коснулся плеча Андрея.

– Эй – крикнул парень, легким движением ног забравшийся на дерево – Помогите мне, я тут вообще-то важным делом занят. Мы же договорились, что все с утра будем делать тарзанку. Нам что, опять с берега в море прыгать?

– Сейчас помогу. – Один из них подал какую-то валяющуюся на земле палку и отдал её скалолазу.

Дед привстал и, не говоря ни слова, направился куда-то далеко. Андрей было хотел подбежать и попросить совета, да только толку в том не нашёл. Он лишь смотрел в след уходящему глухому старику, который не слышал ни детские радостные возгласы, ни морские волны. Пожалуй, единственное, что представляло для него ценность, это сияние солнца и довольные птицы, которые, выбираясь из петровского дома, взлетали ввысь.

Глава 10

После безвозвратных прыжков свет в вагоне начал приобретать розовый оттенок. Это солнце за окнами начало по-особому светить и открывать неизведанные места. Я огляделся вокруг и к ужасу заметил, как мало стало людей. Стук вдруг стал каким-то спокойным и, казалось, что что-то свет-

лое вот-вот родится на лицах, оставшихся в поезде.

После долгого раздора эмоций и криков все резко утихло, и я заметил, как Джон начал засыпать. Его тело почти полностью погрузилось в дремоту и, опрокинувшись на кресло, оставалось безмолвным.

Я встал и побрёл по спящему и умиротворённому купе, в котором после долгого безумия вдруг наступила необыкновенная тишина.

«Затишье перед бурей» – Подумал я. Надеюсь, мне хватит времени на то, чтобы просто насладиться происходящим.

Свет восставшего солнца прилипал к окну и медленно, но верно, пробирался по вагону, как по лесной неизведанной чаще.

Меня окружали спящие лица, как вдруг среди них я заметил глаза, зазывающие меня на свободное соседнее сиденье. Я сел напротив человека, выглядевшего старше меня.

– Пока все спят, самое время познакомиться. Меня зовут Пит. – он улыбнулся и протянул мне руку.

Я в растерянности забыл своё имя и, протянув руку, сказал

– Называйте меня, как хотите. Мы с вами всё равно в одном поезде.

– И то верно. – Сказал Пит. – Позволю заметить, что имена в данном случае действительно не играют роли, но как же мне отличить вас от остальных? – Он посмотрел на меня потерянным, но любопытным взглядом и добавил – могу я

называть вас Люк?

– Как хотите.

– Вот и отлично!– Приблизившись, он похлопал меня по плечу, и, вновь усевшись на своё место, сказал – Прелесть, что мы познакомились сейчас, а не раньше.

– Почему же? – С удивлением спросил я. – Почему вы раньше не подошли, если хотели познакомиться?

– Все бы заметили, как мы похожи и решили, что можем сбыться в одной реальности.

– А что, это так плохо?

– А ты сам представь какого это? Твоя версия жизни, скорее всего, закончится тем, что ты умрешь старым и больным в одиночестве, а моя оборвётся на полпути и я вряд ли смогу дожить до тридцати.

– Это ещё почему?

– Бывают люди, рядом с которыми другие умирают. События не случаются, и мы не можем существовать.

– Рядом со мной люди умирают?

– Ты не виноват, что ты такой существуешь. Твоя проекция просто сильнее окружающих из нас, как событие, поглощающее сомнения, из-за которых нам нет места в поезде текущей жизни. Разве у тебя не бывало такого раньше? Общаешься ты с человеком, а он своими сомнениями сводит самого себя с ума и умирает прямо на твоих глазах, а ты ничего сделать не можешь. Прыгает он из стороны в сторону, то в свою реальность, то в чужую, то в будущее не верит, то в на-

стоящее и погибает прямо здесь и сейчас, потому что иногда забывает про рельсы, потому что думает, что всё просто так.

Если мы быстро найдём общий язык при всех случайных событиях, значит мы оба те версии, которые могут сбыться в одной вселенной без всяких сомнений.

– Получается, Джон из-за меня умрёт? А ты... Ты тоже умрёшь?

– Джон пытался выкинуть тебя из вагона, все это видели. Его уже одолели сомнения, они кидают его из стороны в сторону. Меня, как видишь, ещё нет, поэтому я даже предполагать не буду, умру я из-за тебя или из-за действий машиниста. Вдруг, я тоже начну сомневаться.

– А если я сам выпрыгну или умру от рук машиниста, тогда вы не умрёте?

– Не думай, что ты тут один такой особенный, нас по пятьдесят версий в каждом вагоне, а таких вагонов с сотню, а то и больше. Не ты, так кто-нибудь другой.

– А что будет, если я всё-таки окажусь за бортом?

– Выбор, совершённый машинистом или сохранит, или выбросит из вагона, оставив скитаться в пустоте. Либо нам всё-таки повезёт и наш вагон с нашими событиями реализуются в этой микровселенной. Раз мы находим связь, значит мы из одной вселенной, которая подарит или не подарит два крайних и настоящих исхода. А все остальные либо временные и скоро покинут поезд, либо из других вселенных.

– А, что будет, если нас всё-таки увидят? – Решил отвлечь

его я от пространственных рассуждений.

– Ну... – Он призадумался. – Слухи поползут. Они, знаете ли, тоже усложняют мирное существование. У каждого исхода есть вселенная, в которой он станет машинистом или умрёт. Вроде того вагона, в котором едем мы. Если мы в этой вселенной, которая касается окружающих, будем разговаривать, есть вероятность, что мы вместе совершим какое-либо действие, влияющее и на их маленькие жизни. Вдруг их другие вселенные сотрясуются от лишней информации... Тогда нам всем не поздоровится. По этой причине все находятся в состоянии покоя, как бы ни желая потревожить или изменить своё и чужое положение, в особенности, если кто-то из нас приносит смерть. Стал бы ты делать лишние движения, если бы знал, что можешь стать чьим-то концом?

– Тогда что это за разные вселенные такие?

– Разные вселенные – это место исполнения исходов, своеобразное пристанище в другом мире. Например, машинист повернул налево, а направо повернул всё тот же машинист, но уже в другой вселенной. Так два поезда с исходами будут жить, но уже по-другому, в других вселенных.

– То есть если я перейду в другой вагон, значит, я окажусь в другой вселенной?

– Да. Но машинист будет всё тот же. Просто в один момент вагон отцепится, и ты поедешь всё с тем же машинистом, но в другое место.

– А если я выпрыгну, я поменяю условия, я буду в лесу...

– Всё верно, но тогда тебе, скорее всего, придётся просто скитаться по затворкам вселенной, ведь найти своё место, когда ты неиспользованное последствие чего-либо, намного сложнее. Либо тебе может повезти, и ты сможешь попасть к другому машинисту.

– Как чужой исход событий может перейти на другого машиниста?

– Если он наступает на те же грабли, то повторяет чужой опыт. Тогда ты станешь им – просто опытом, переходящим из одного поезда в другой.

– Тогда из каких мы вселенных?

– Из тех, в которых выбор ещё не сделан. Шаг не совершён и мы, находясь здесь в качестве пассажиров, находящихся в состоянии покоя, теперь понимаешь?

– Нет...– Растерянно ответил я. Голова начала болеть и звук колёс начал резать мой слух.

– Представь, ты сел на поезд, но куда отвезёт тебя он, ты не знаешь. Но это и неважно... Важно только то, что происходит с жизнью. Суперпозиция... Слышал про такую? В одной вселенной я, в другой ты. Я ещё не сел на поезд, а ты уже едешь. Ты умрёшь, не дожив до тридцати... А я одинокий и старый попрашаюсь с реальностью понимаешь?

– Как же так?– Я не на шутку испугался.

– Этой ночью линии поменялись... Удивительно, что твоя проекция не в курсе.

Пот покатился по всему телу, а на лице начали выступать

слёзы. Страшно было знание своего срока и понимание того, что я не существую в реальности. Даже не смотря на то, что я лишь избыток человеческой жизни, тяжело было признать, что я не самая удачная версия. Какая-то не идеальная.

– Не бойсь! – Улыбнулся он, увидев моё смятение, махнул рукой на мелькающее поле за окном.

– Но я же с Джоном общался при всех... Разве нас не должны были вытиснуть остальные жизни?

– У вас обоих слабая реальность... Он чуть не выкинул тебя из окна.. Мы все видели, как это произошло, и это дало нам понять, что кто-то из вас двоих точно не доедет.

– Кто же это?

– Я не знаю, но если не доедешь ты, то и мне не суждено. У нас с тобой реальность одна.

– Как ты это понял?

– Я чувствую и вижу, как ты смотришь. Люди в вагоне похожи, только судьбы могут быть разными и это видно во взгляде. В твоём взгляде. Я почти уверен, что ты скоро увидишь, как меняется реальность на твоих глазах, и человек, казавшийся тебе таким близким, вдруг изменит линию на своей руке.

Вдруг, окружающие со схожими чертами посмотрели на меня.

– И что тут все такие одинокие в своей реальности?

– Почти все... Те, кому жизнь позволяет, те и одиноки.

– Ладно, думаю много времени прошло.... Пойду я к Джо-

ну, а то вдруг проснётся.

– Ещё увидимся – сказал он тихо и проводил меня взглядом.

Глава 11

Мальчишки привязали болтающуюся верёвку одной стороной к ветке на дереве, другой стороной к палке, которую нашли на своём пути.

Тут один из парней вынырнул из толпы. Это был парень из другого детского дома. Он подошёл к Андрею и сказал: – Это же ты утопленник! Я про тебя слышал – На его лице проявилась хитрая ухмылка. – Почему не выплывал так долго со дна?

– Я думал, что это что-то изменит... – Ответил Андрей с неуверенностью.

– Странный ты ... Нашу жизнь даже смерть не изменит. Он засмеялся и крикнул в толпу.

– Эй парни! Среди нас есть смельчак, пусть он первый прыгнет.

В этот момент сердце Андрея заколотилось со скоростью звука и он был готов отказаться, пока не заметил расступавшихся перед ним дворовых ребят. Они образовали коридор, ведущий его прямо в сторону треснувшего дуба.

Невероятной длины верёвка, привязанная к высокой ветке, была замотана в петлю, в которую была всунута палка.

Двадцать четыре глаза были уставлены на реакцию Андрея, которая заставляла себя долго ждать.

– Ну чего ты стоишь? – Крикнул скалолаз и, взяв за руку, повёл к дереву.

Приблизившись к нему, он спросил:

– Ты же тут самый смелый и авторитетный? Вот и прыгай, а мы за тобой! Расстояние тут небольшое, от обрыва сразу в море с брызгами! Дотянешься до своего дна, как ты и хотел – Он как-то ехидно рассмеялся и добавил – Или трусишь?

– Нет, не трушу... – С неуверенностью и тихим тоном промолвил Андрей. Вспомнив предсказание о скорой смерти, он добавил:

– Только тогда вы после меня не прыгайте! Это неустойчивая конструкция, если что-то случится, я буду отвечать...

Тут смех покотился по толпе, и скалолаз возразил:

– Э, не, брат, назвался груздем, полезай в кузов. Мы все за этим пришли. Ты вешишь больше нас и, если верёвка не выдержит, мы ещё до прыжка это поймём. Как только ты залезешь...

Смелости дворовым мальчишкам было не занимать, и отговаривать их было абсолютно бесполезно. Скорее, это наоборот усилило бы аппетит перед прыжком.

А потому, Андрей решил сделать всё от него зависящее, лишь бы верёвка или ветка оборвалась или сломалась на нём. Тогда никто не пострадает, и любое действие покажет своё противодействие и остальным больше не захочется прыгать.

Не то, чтобы он не знал, как дорога жизнь, как важно состояние покоя на земле, скорее ему всегда недоставало того шарма смерти, который мог бы вылечить от всех бед и периферий на пути.

Забравшись на дерево, он схватился за палку и, опершись на неё всем телом, повис над землёй. Ветка немного поскрипывала, но было видно, насколько прочно она торчала от самого ствола.

Спустя время он оттолкнулся от ствола и начал раскачиваться. Ветер поднимался всё сильнее и сильнее, и в состоянии полёта открывался совсем другой взгляд на мир, полностью возвышающий своё Я и уменьшающий всех тех, кто ждёт от тебя прыжка. Кто так жаждал увидеть шоу, без которого невозможна ни одна жизнь и, разделяя воздушную материю на падающее состояние, Андрей отпустил палку и в полёте увидел то злосчастное море, которое накрывает всем своим существом твоё мелкое тело, оставляя за собой только брызги. Вновь голос коснулся ушей, и стук поездных колёс, которые то и дело спиливались с морской толщей, звучал всё громче как навязчивый мотив. Андрей не мог поверить, что всё это происходит наяву, и тот секрет, который он не мог понять, всё также остался где-то на дне.

Коснувшись уже каменного дна своей ладонью, и на минуту потеряв сознание от страха, он увидел вновь тот же сон, который повторялся изо дня в день. Вот мчится поезд, который ведёт машинист и из вагонов уже слышится:

Он не сделает выбор, и я скорее останусь,
Он сделает выбор, и выпрыгну я.
Пусть только не сносит ветром мой парус,
Пусть только не даст мне погибнуть зря.

Навязчивый мотив помог закрыть глаза и окунуться с головой туда, откуда доносились звуки. Кислорода не хватало, но, кажется, тогда он был и не нужен. Кажется, именно в тот момент открылось второе дыхание и хотелось стать морем, которое влилось бы в океан и поглотило бы собою любую человеческую жизнь.

Глава 12

Я привстал и после диалога принялся глазами искать Джона. Он дремал, но, когда я подсел рядом, он вдруг встрепенулся и встал, оглядывая поезд.

– Что-то не так? – взволнованно спросил я, переживая, что он слышал мой разговор.

– Похоже... Моя остановка... Пора выходить... – Смотря в окно, он начал нервно трогать лицо и перебирать пальцы. Как будто к нему спящему явилась смерть, и ею случайно оказался я.

– Как ты это понял?

– А ты сам посмотри.... – Не отрывая глаза от пейзажа он указал мне на происходящее.

В пяти метрах от нашего быстро ехавшего поезда стояли люди. Их лица размывала скорость, и мне показалось сначала, что это просто деревья.

– Что они там делают?

– Они ждут, пока я прыгну. – С сожалением ответил Джон.

– У нас одинаковые лица, мы же очень похожи... С чего ты взял, что они ждут именно твоего прыжка?

– Я знаю, что это несбывшиеся проекции меня. Они ехали в передних вагонах и уже выпрыгнули, значит и моё время пришло.

– Это ничего не значит, они же из других вселенных. Может, тебе надо в эту вселенную, а не в ту, откуда направляются они. Может это только твои сомнения?! Остановись, прошу! – Я стал преградой между разбитым окном и вселенной, в которой жил он.

– Странно, что ты их видишь – Неожиданно сказал он. Его глаза наполняла пустота и бессмысленное существование в потоке других жизней. – Может тебе тоже надо прыгнуть? Прыгнем вместе?

– Нет, я хочу посмотреть, что в конце и тебе не позволю остановить свой путь сейчас.

– А ты веришь в счастливый конец? Разве ты никогда не думал, что всё может пойти по-другому? Тебя не одолевают сомнения? Знаешь, я, когда только с тобой познакомился, почему-то решил, что мы поладим. Глупо это было, потому

что дружба, наверное, не может длиться вечно, да и для чего она вообще нужна, если даже в микровселенной каждый сам по себе.

– Хотя бы две станции прожить с тобой для меня уже награда. Я бы умер один, зная, что никому кроме машиниста не нужен.

– Я сильно сомневаюсь, что ты действительно так думаешь. Ты и без меня отлично справлялся, находясь несколько лет в состоянии покоя.

– Ты не знаешь, что там за окнами, прошу, не прыгай! Я не хочу лишаться друга, я не хочу подходить к другим и общаться с ними. Ты можешь остаться? Прошу, не делай этого....

Его тело всё больше, как призрак, приближалось к разбитому окну, и он протянул руку ледяющему ветру.

– Я бы не хотел.... Чтобы ты прыгал...

Тут Джон посмотрел на меня и, прищурился глазами, улыбнулся.

– Да ладно тебе, подумай, тут таких как я ещё целая тьма.... Поверь, ты ещё найдёшь проекцию получше.

– А мне, может, ты близок.

– А ты мне нет... Видишь? Нет ничего общего между мной и тобой. Он протянул ладонь. Покажи свою...

Тут я поднёс свою ладонь ребром к его ладони.

– Видишь? У них теперь разное начало и разный конец...

– Сравнивая наши ладони и вправду можно было увидеть,

как линии поменялись и стали настолько различны, что, казалось, мы должны были ехать даже не в одном вагоне.

– Мне пора... – Сказал он с какой-то грустью в голосе.

– Хочу, чтобы ты остался...

– Да ладно... Найдёшь ещё много других друзей, с которыми разделишь жизнь, с которыми создашь общую вселенную, не разрушив их самих – Он отмахнулся рукой, и в одну секунду, без малейшего сожаления, оттолкнулся от разбитой рамы и вылетел за пределы моего мира.

Его прыжок видели все. А я просто стоял и думал, почему те, кто уходят, не имеют сомнений, не имеют сожалений о пути. Наверное, их смерть наступила уже давно, они просто её не видели. Наверное, я бы не смог прыгнуть из окна поезда текущей жизни, зная, что ты больше никогда не станешь тем самым машинистом. Мы были не так близко знакомы, но будь у меня одна целая и личная жизнь, я бы был несказанно рад провести её с Ним.

Глава 13

Андрей вынырнул и издали заметил, как один из мальчишек также взобрался на дерево. Он ловко запрыгнул на тарзанку и, раскачавшись, точно также оттолкнулся настолько сильно, что палка вылетела из петли, парень, стукнувшись головой об утёс, кровавым телом упал в воду. Кровь, перемешанная с морской волной, покрыла всё его тело, и Андрей в испуге подплыл к месту, куда он приземлился. На мелко-

воде не было заметно лица, а был только лютый страх смерти, который охватил берег и всех прыгающих с него.

Тогда он в панике бросился на берег. Бешеный страх размывал минуту до часа. В ушах зазвенело. Вскоре рядом оказалась значительная часть собравшихся мальчишек. Они спустились к обрыву, обменявшись взглядами и словами. Чьи-то пятки уже засверкали в дороге, ведущей в деревню.

Незнание поглощало каждую мысль, и уносило её вглубь кого-то звериного инстинкта. Не найдя ничего адекватного в голове, наружу выскочил тихий вопрос.

– Что делать?

Немного погодя, один из мальчиков вдруг сказал: – Кто-то уже сбежал, увидев такое,... Скорее всего они расскажут взрослым.

– Всё свалят на меня... – Рухнув без сил на песок, вдруг произнёс Андрей.

Рядом стоящий обернулся и увидел множество мальчиков разных возрастов и разных характеров. Они были из разных домов и семей, и их реакция могла бы быть настолько разной, насколько могут быть разными улыбки детей с неповторимой родословной: от яростных криков до скупого молчания, от непонимающего осуждения в глазах до полного отрицания происходящего.

– Отойдём на минуту. – Вдруг Кеша потянул за рукав Андрея.

Остальные лишь стояли в изумлении и не могли поверить,

что такой же, как они все, сейчас прибитый волной, лежит мёртвый. В красной волне не разглядишь лица, но оно было юношески добрым и точь в точь похожим на множество живых стоящих.

Они отделились от компании, и тени мальчишек разделял прерывистый спуск к реке.

Кеша, один из умнейших представителей в кодле, был младше Андрея на год. Но, в отличие от него, он рос в благополучной семье. В этом ему многие завидовали, и кто-то даже шутил, что тот вырастит маменькиным сынком и с возрастом станет ещё хуже, чем детдомовские.

– Слушай, у тебя сейчас выбора не очень много. Наверняка наши уже сказали, что произошло. Тут только ты совершеннолетний. Высока вероятность, что попадёт именно тебе. Я слышал, что ты на многое способен. Тебе здесь не к чему привязываться. Тут больше чужих, чем понимающих.

Взгляд Андрея совсем опустел и казалось, что этих двоих теперь разделяет глухая бездна.

– Слышишь?

Я постараюсь достать твои документы из комнаты и принести их тебе. В лесу много заброшенных домов, в них сейчас никто не живёт. Выберешься в город, начнёшь новую жизнь, и никто ничего не узнает.

– Я так не могу.

– А что ты можешь? Милиции сдаться?

– Придётся.

– С уголовным уже никуда, только наш лес валить.

– И что мне прикажешь делать? Бросить всё? – Его глаза покраснели и намокли от непредвиденных обстоятельств.

– Слушай меня! – Он взял Андрея за плечи. – Беги на свободу. Там в лесу даже лучше, чем здесь. Хотя бы отсидись некоторое время... Тебе так спокойнее. Через милю направо повернёшь и пройдёшь ещё две. Там дом стоит деревянный. Я иногда туда прихожу, когда меня мои предки достают. Они со своим характером. Мне тяжело бывает, как и вам. Просто у каждого по-своему... – Он немного замешкался, но продолжил. – Я принесу тебе твои вещи до того, как об этом узнают. Пожалуйста, не упusti возможность. Я ничего им не скажу, даже если придётся.

Андрей с удивлением посмотрел на того, кто вдруг обернулся другом.

– Мне пора! – Они сейчас что-нибудь заподозрят. Иди в лес, я ночью постучусь три раза. Если больше, значит не я или что-то произошло.

– Я понял... – Он начал пятиться назад – Спасибо тебе... Большое...

– Увидимся ещё. – И тот улыбнулся и направился к оставшейся компании.

В тот миг ноги несли Андрея как никогда. Страх уже наступал на пятки, глаза не видели этих мест, сердце билось в такт с соприкосновением с землёй. Лес был сырым, и пахло древесиной. Под ногами ломались палки, а бег отвлекал от

приходящего. Такая свобода была похожа на полёт, на полёт, в котором уже нет ничего. Ни своего я, ни чужого мнения. Есть пустота, а в ней лишь обрывки воспоминаний, кусочки слов, когда-то объединявших два мира: мир земной и внутренний. Ничего воцарилось везде, а после ничего была только тишина. Да и она, впрочем, не желала добра в происходящем сейчас.

Воздух, ногами мешая,

Стаптывая в грязь тропу,

Я бегу от края до края,

Не видя чужую строку.

Оставляю в награду слово,

Отрадно будет в раю,

Я бегу не в поисках крова,

Всё, что забрал – отдаю

Пепел, порох за мною,

Я прошёл по линии путь,

Мыслью горю, но от боли я вою,

Ядовито выплеснув ртуть.

Глава 14

Стоя у разбитого окна, я заметил, что на меня кто-то смотрит. Один большой осколок, оставшийся в раме, отражал чей-то чужой, постоянный взор. Я даже помню его. Эта проекция смотрела на меня, пока я говорил с Джоном, перед его смертью и, возможно, она даже видела мой разговор с Питом. Такой долгий и пронзительный взгляд совсем не излучал злость, а, скорее наоборот, старался меня лучше разглядеть.

Пялясь в окно, и, простояв два битых часа, я не выдержал и подошёл к нему.

– Что-то не так? Ты смотришь на меня уже второй час, скажи прямо, что хочешь.

Тот в ответ изумился моей прямоте и, поглядев каким-то пророческим взглядом, произнёс: – Это точно ты! Ты не выпрыгнул вместе с ним, почему? Я же слышал, как он тебя звал с собой.

– Ну....– Немного смутившись неожиданному исходу событий, я продолжил. – Я подумал, что это ещё не за мной... Я словно жду чего-то другого. Вдруг мне повезёт, и я стану машинистом. Что-то должно произойти...

Оглядев своего собеседника, я вдруг заметил, что он был совсем не похож на нас, на тех, кто ехал со мной в вагоне. На меня он тоже был не похож, какое-то другое лицо, другой взгляд, другая манера общения.

– Стой... – Вдруг сказал я. – Ты кто? Почему ты такой....

– Какой? Такой разный? Отличающийся от вас? – Уточнил любопытный собеседник.

– Да...

– Я есть опыт. Я от другого машиниста сбежал. Я долго бежал по полю, и пока ваш поезд медленно двигался и лишь набирал скорость на одной из станций, я запрыгнул.

– Но... Поезд не останавливается...

– В том то и дело, что обычно поезда не останавливаются.... Я долго бродил по полю, по лесу и слышал навязчивый стук колёс. Луна освещала всё вокруг, но я уже забыл, где расположена дорога. Все живущие версии в лесу расплзлись после того, как мы прыгнули из окна. Я ходил, как ходят мертвецы. Но вдруг воскрес, благодаря тому, что поезд резко остановился. Он стоял всего пару секунд, как сейчас помню. Тогда ещё был прекрасный алый закат, и небо было похоже на большую синюю волну. Поезд ехал с огромной скоростью, но потом вдруг притормозил. На секунду. Я даже

не поверил и немного постоял, чтобы прикоснуться к машине. А после я побежал. Побежал так быстро, чтобы догнать. Я запрыгнул, и вот я тут. Можно сказать, что это чудо и мне просто повезло...

– Как давно это было? – С недоумением спросил я. – Я тебя раньше не видел. Ты сильно отличаешься, я бы заметил тебя в Тот день.

– Я ехал в другом вагоне.

– Так ты из другой версии жизни? – Я не мог поверить своим глазам. Теперь всё встало на свои места. Стало понятно, почему он внешне так отличается.

– Для наших вселенных ещё не наступила развилка, но наступит вот-вот... И тогда вагоны разойдутся как в море корабли, и ты уже не увидишь меня. Как теперь не видишь своего прошлого собеседника, которому суждено было покинуть эту жизнь. Не смотря на то, что я чужой опыт, я всё-таки нашёл тебя. И я видел, как ваша вселенная перестала существовать перед лицом сомнений и разбитого окна в вагоне.

– Откуда ты знаешь?

– Когда я ехал в прошлом поезде, мой собеседник тоже выпрыгнул из окна, потому что его ждали остальные.

– Почему не выпрыгнул ты? – Вдруг спросил я у опыта.

– Я и выпрыгнул.... Я не поверил собственной жизни и собственному предназначению и решил, что мне тоже следует. Сомнения поразили меня.... Выскочить из окна оказа-

лось проще, чем думать своей собственной жизнью.

– Значит я не зря не прыгнул?

– Ты молодец, скорее всего ты и станешь машинистом.

– Ты правда так думаешь?

– Да. Я вот не послушался самого себя, поэтому почти оберёг свою жизнь на вечные скитания.

– А ты сможешь ещё стать машинистом?

– Сможет ли чужой опыт до конца научиться управлять чужой жизнью? Сесть за руль? Мне хочется в это верить. Так мне подсказывает моя прошлая жизнь в другой вселенной.

– А другие версии могут же? Перепрыгивать из одной человеческой жизни в другую? Из одного поезда в другой, да? Что если я выпрыгну, то у меня будет шанс попасть к другому машинисту?

– А ты бы этого хотел?

– Ну, вдруг я не гожусь для этой вселенной, для этого машиниста, вдруг я смогу стать машинистом, перепрыгнув в другой поезд.

– Тебя что уже одолевают сомнения?

– Совсем нет! – Вдруг резко опомнился я.

– Попасть в чужие жизни намного сложнее. Разве тебя там кто-то ждёт?

– Почему сложнее?

– Потому что знания другой жизни будут владеть тобой.... Как же ты будешь двигаться по чужому пути, если помнишь изначально другой вагон, другие рельсы, другие шпалы, дру-

гой пульт управления? А дорога одна.

– Но ты же смог!

– Да, мне просто повезло... Я несколько лет ходил среди руин заблудших жизней. Я видел страшное. Они неприкаянные и знают, что им уже не встретить другие поезда и не стать чем-то большим. У них нет сомнений и надежд тоже нет. Не повторяй путь чужого опыта, если не знаешь точно. Большинство поездов едут так быстро, как летит время, или двигается секундная стрелка, что ты их не догонишь. Ты же не сможешь быть быстрее времени.

– Но если я поспешу?

– Куда спешить, мы же не ведём поезд... – Немного оглядевшись по сторонам, он вдруг схватился за поручень рядом. – Слушай!

Тут поезд резко загудел, колёса застучали вдруг громче, а мотор вдруг начал реветь. Запах горючей жидкости начал доноситься с разных сторон, только почему-то его чувствовал лишь я и мой новый незнакомец.

– Что? – Переспросил я, вновь перечая звукам колёс.

– Нам нужно идти! Держи мою руку! – Он вдруг протянул свою ладонь без линий.

– Что? Я не могу покинуть свой вагон... Я же покину свою вселенную...

– Брось! Мы просто переместимся в соседний...

– Но это же другой исход событий... Я отделюсь от первоначального пути.

– Не волнуйся, сделав выбор, ты лишь отсоединишься от этого вагона и перенесёшь себя в другой. В другом вагоне ты сможешь стать тем, кем хочешь.

– Что ты такое несёшь?! – Корчась в непонимании, я уже утопал в сложных системах, работающих по своим физическим законам.

– Если ты останешься, ты погибнешь и никогда не станешь машинистом. Когда я ездил в другом поезде с другим машинистом, меня точно также перетащили из одного вагона в другой. Главное, сейчас перейти. Срочно, прошу тебя! – Тут он сильнее потянул мою руку и я нехотя направился к выходу.

– Но зачем?

– Чтобы спастись! – Начал кричать он, стараясь сопротивляться звуку. – Опыт должен спасать, поэтому мы всё ещё живы.

– Почему ты помогаешь мне?

– Потому что ты можешь меня послушать. У тебя есть настоящий шанс стать не просто версией жизни, а чем-то большим.

Мне показалось его тело очень холодным, но я продолжал двигать ногами и идти следом. Он потянул всего меня к выходу и, пересекая движущую межу в виде мелькающих рельсов вниз, мы перешагнули из одной вселенной в другую.

Этот вагон не сильно отличался. В нём были такие же люди, похожие на меня и такие же разбитые окна, из которых

прыгали проекции.

Заглянув в окно, которое располагалось между двумя вагонами и как аквариум отделяло меня от прошлого исхода событий, я наблюдал всего себя, перешедшего в другой вагон и другого себя, оставшегося в вагоне. Только с другой версией меня уже не стоял опыт, та оставшаяся часть находилась в покое, мы как будто разделились на два одинаковых числа. Но кто тогда едет в этом вагоне с незнакомцем? Я ли это был, я не знал, как и того, чем закончится моя жизнь, мой путь по линии. Именно тогда я начал по-настоящему сомневаться.

Глава 15

Хижина чудес

Остановившись посреди деревьев, Андрей увидел деревянный и старый дом, в котором часто обитают охотники. Обычно в один из сезонов сюда кто-то приезжает, чтобы половить рыбу или поохотиться на зверей. Дверь была закрыта замком и, казалось, что это не тот дом, который был ему предназначен. Подойдя к крыльцу, можно было увидеть железный засов и болтающиеся защитные механизмы, неказисто выглядывающие из щелей. По старой и непонятной никому традиции ключи обычно прятали под ковёр, это настолько древний обычай, что, как правило, воры об этом часто забывали. Наверно поэтому деревенские ещё помнят и сохраняют в порядке и целостности эту причуду.

Андрей достал ключи, лежащие под старым паласом на деревянном пороге, сунул их в ржавый замок и со скрипом провернул опасное дело. Аккуратно положив замок на видное место, он потянул за ручку двери, тогда она тяжело открылась, и из дома потянуло сырым запахом древесины так, что можно было почувствовать холод безлюдья и стен, который не помнит настоящих хозяев.

В доме царила какая-то чужеродная сердцу мирная атмосфера. Её создавала: печь, собранные рядом дрова, древнее окно, стол, пара тумб, одна лампа, раковина, деревянная посуда, большой сундук и матрас, на котором, судя по всему, спали. Лёгкая темнота бродила по стенам дома и вместе с пустотой ожидала гостей, как какого-то чуда. Всё это больше и больше напоминало сказочный сон. На полках томились пыльные книжки, и Андрей подошёл ближе, чтобы их изучить.

Взяв одну из них, он заметил, что книга пуста: обложка без названия, а страницы без букв. Казалось, даже вещь со своим предназначением вдруг перестала исполнять главное дело своей жизни – дарить знания между строк и указывать верность и последовательность той самой человеческой жизни. Не понимая странную вещь, он поставил её на место, как пыльную рухлядь и оглядел дом. Почувствовав холод, пришло решение растопить печь. Отодвинув тяжёлый, ржавый, как будто от слёз, чугунный засов, он закинул пару дров и разжёг огонь. Тот пылал как яркое знамя горячее и кри-

чащее. Оно издавало такое тепло, что будь холодные стены людьми, они бы испугались внезапного тепла, неожиданно появившегося в самом сердце заброшенного дома, в который вдруг пробрался новый и незнакомый человек. Казалось, самые дикие деревья, окружающие избу, были в недоумении от такого новшества. Огонь разгорался всё сильнее, и тепло заполонило деревянную лесную хижину. На полках стояли кухонные принадлежности, крупа и чай. Их как будто никогда не брали в употребление лишь потому, что сам дом к этому не располагал. Крупа и соль, по ощущению, были найдены где-то на пляже. В них случайно попали песчинки, то и дело перемешанные с настоящими зёрнами. Также они были перемешаны с пылью так, что не совсем было понятно, что из этого можно класть в рот.

Спустя время, он приготовил себе поесть и лёг ненадолго вздремнуть. Слышно было, как пели птицы, и деревья шатались от ветра из стороны в сторону. Так природа слагала о спокойствии. Уже стемнело, и веки опускались от тяжести пережитого дня, и темнота наполняла комнату, в которой теперь существовал Андрей.

Сквозь сон он услышал стук в дверь. Такой знакомый и понятный, что тот чудесным образом создал уверенность в хорошем исходе событий, которого так не хватало. Проснувшись, он оправился и подошёл ближе, чтобы послушать. Пол закрипел, и сердце застучало быстрее.

Три стука пропустила через себя деревянная изгородь на

входе, и тогда Андрей отворил дверь, опрокинув внутренний засов.

– Привет, это я. – Вполголоса отозвался Кеша и взглянул такими добрыми глазами, что их можно было воспринять как мираж в пустыне и не ошибиться. Так бывает, когда впервые увидел то, что хочется.

Его глаза излучали добрые созидательные чувства, при этом было видно, что он, как и Андрей, переживал.

– Входи... Хорошо, что пришёл... – Андрею слабо верилось, что всё, что происходит это правда, и сейчас перед ним стоит не обманщик, а самый настоящий друг.

– А ты думал, я тебя обману?

– Да...

– Ну, я же обещал... – И он улыбнулся так, что в правдоподобности такого жеста засомневался бы только самый злой скептик.

– За тобой не следили? – переживая, прямо с порога начал спрашивать Андрей своего настоящего друга.

– Вроде... нет – Он помотал головой и мило, по-детски, пожал плечами. Их отделял друг от друга только дверной проём, в котором на тот момент не было нужды.

– Тебя не поймали? – Удивившись бесстрашию, Андрей бестактно лез с расспросами.

– Сейчас расскажу, что было... – Друг сделал шаг вперёд со смелым намерением войти. – Ставь чайник. – С этими словами Андрею почудилась какая-то тёплая атмосфера.

Очень душевный приказ приободрил нутро, и ноги держали крепче. У него ещё никогда не было собственной комнаты, в которую мог бы приходиться желанный гость и просить чаю.

– Конечно... – Он попятился в сторону печки и начал приготавливать чай. Благо кружки осталось ровно две. Для хозяина и гостя. Их спас крепкий материал, из которого они были сделаны, потому как остальная посуда схожего вида, по всей видимости, была разбита. Между шкафом лишь изредка виднелись осколки старой посуды и крики бывших слов. Как будто, даже приезжая ненадолго, люди в доме всё равно имели свойство ругаться, пусть и находились под одной крышей недолгое время.

– Как тебе моё убежище? – Спросил Кеша, пока доставал из своего рюкзака бумажки.

– Ну... Хорошее... – Он замедлил слова, но продолжал действия.

– Хорошее? Оно отличное. Я сюда часто убегал, когда у меня были проблемы в семье.

– А откуда осколки?

– А... эти? – собеседник коснулся взглядом тёмных пропастей между мебелью. – Я сам не знаю... Я сюда редко прихожу, наверное сюда тоже приходят люди, которые любят ругаться...

– Глупые взрослые, даже от этого некуда деться.

– Это точно... – Немного подумав, Кеша добавил – Я раньше думал, что этот дом специально сюда поставили, что-

бы тут не люди жили, а их крики. Представляешь?

– Это очень похоже на правду. Дом же в глухом лесу. Тут наверное самое место крикам и спорам. Ты вот часто ссоришься?

– Не хочется... Просто... Иногда очень много проблем бывает в семье...

– Какие могут быть проблемы, если у тебя есть семья? – Вдруг спросил Андрей, не зная, как в действительности обстоит дело с близкими людьми.

– Ну... как это? – Не понимая сути вопроса Кеша нахмурил брови.– Всё просто, люди, они и в Африке люди. Мы ссоримся, точно так же, как и вы. Точно так же устаём друг от друга. Возможность иметь кого-то ближе, чем отражение в зеркале, не даёт мне право рассчитывать на избежание проблем.

Механическим движением две кружки были поставлены на ровный стол. Только одна, та, что у Андрея, была чуть кривей, и при случайном неаккуратном движении могла опрокинуться и пролить всё содержимое на собеседника.

– Что сказали в доме? Как тебе удалось? – Вдруг, перебив, спросил Андрей.

– Когда я приблизился к дому, я заметил милицию и очень испугался. Но мне повезло. Твоё окно в комнате было открыто. Я помню его, когда мы ещё на море сбегали. Лестницу пришлось, конечно, поискать, но это немного времени заняло. Я быстро сообразил, сбегал к своим и взял. До твоего

окна буквально рукой дотянуть оставалось, ну я подпрыгнул и кое-как забрался.

Выслушав это, Андрей улыбнулся, и был несказанно рад такому удачному стечению обстоятельств. Словно сама судьба позволяет играть в опасные игры.

– В общем, вот... – Как победный трофей выложил он бумаги об Андрее.

– Как ты их нашёл?

– Пока взрослые на улице разговаривали, я до их комнаты сбегал. Ты даже не представляешь, как мне страшно было, я как вор залез...

– Ты так рисковал ради меня?

Кеша немного покраснел и промолчал.

– Что за пустые книги? – Вдруг поинтересовался Андрей, желая отвлечься от неловкого разговора.

– А я и сам не знаю... – С большой скоростью, отпивая чай, продолжал он. – У меня дома есть хорошие книги, я могу тебе их принести, если хочешь...

– Буду рад.

– Я вот про приключения читать люблю, а ты любишь?

– Ну, брат, – Немного ухмыльнувшись, Андрей посмотрел на собеседника, отвлекаясь от пыльных полок. – У меня, как видишь, и своих приключений хватает.

– А какие книги ты любишь?

– Любые, где про меня написано.

– А такие бывают? – С этими словами по комнате раздался

добрый смех.

– Ну, себя можно даже в брошюре или на вывеске найти. Так, что думаю да... Бывают. Только я их ещё не встречал. Но думаю, скоро найду такую.

– Кстати... А тебя искать не будут?

– Нет, пока ещё милиция к нам не приходила. Ты не бойся, я им ничего не скажу. Всё, что будут спрашивать, я тебе передам.

– Что они говорили про меня? – С испугом он подсел за стол к Кеше.

– Пока ничего внятного, просто, что ищут.

Сердце Андрея забилося в спокойном доме, будто заживо похороненный в деревянном гробу, оставленный наедине с ожиданиями, он принялся перебирать в голове все возможные исходы событий.

– Да не переживай ты. Пока тут отсидись, а дальше видно будет.... Может, про тебя все забудут...

– Как про такое забыть?

– Как-нибудь.... С горем пополам – С вечно поднятым настроением, он пытался приободрить товарища.

– Ладно ... Тебе, наверное, идти пора.... Вдруг тебя тоже будут искать... – Переживания накрывали с головой, и с каждой минутой Андрею было тяжелее говорить с тем, с кем втянулся в это. – Я хочу побыть один...

– Конечно, я понимаю.... Вдруг резко опомнился Кеша от сказаний о его приключениях – Ладно, я пойду. Сильно не

унывай... – Вставая из-за стола добавил он. – Я ещё завтра приду.

– Хорошо. – Андрей тоже мило улыбнулся и сказал – Спасибо тебе, правда.

– Да, не за что пока. Вот как придумаем, что дальше делать, тогда да.

Закрыв за Кешей дверь, Андрей уселся обратно за стол.

Вдруг немного подумав, он решил отвлечься от тяжёлых мыслей, и, переведя дыхание, отпустил часть того, что так тяготило. Найдя уголь в углу дома, он достал пустую книжку и принялся возить им по листу. С каждым движением уголь мазал белые листы и карябал страницы бессмысленным чертежом.

На рисунок это было не очень похоже, но, немного приглядевшись, он увидел нацарапанный текст. В изумлении он продолжал возить кусочек угля и кое-как смог разглядеть написанные тайные буквы и непонятные слова, как что-то новое вдруг открылось любопытному взору.

Темно было в избе, тогда он включил лампу и развёл поильнее костёр. С безумным любопытством он продолжал рисовать на пустом, но значительном и уже не таком белом холсте.

Вдруг, спустя время, можно было прочесть, чем-то вычерченное послание, скрывающееся в пустоте.

Страница начиналась с другого оборота, и тогда Андрей начал красить предыдущую страницу и последнюю, однако

текста было совсем мало. Это больше походила на заметку с вкладышем, по которой он и нашёл эти пустые листы.

« Буквы временны, но острое перо,
Я накарябал мою правду.
Исход близок: ноль, зеро,
Окно разбил и впрыгнул в награду»

« Я пишу это, потому что мне удалось. Мне удалось попасть в другой мир. Только время меня опередило, но я смог. Я победил физический закон. Чернила, наверное, уже потеряли свой цвет, и страницы эти совсем пусты, но я надеюсь, что толстый грифель сохранит выцарапанное. Я побывал в двух вселенных. Утопившись в болоте, я перешёл из одного маленького мира в другой мир – большой. Это болото находится в последней миле отсюда. Мне говорили, что оно волшебное и, благодаря ему, я смогу попасть в жизнь машиниста, из микромира в макромир, покорив временной промежуток, при погружении в жидкость многие тела могут услышать голос. Ещё в микромире я понял это, когда выпрыгнул из окна. Там было большое озеро, и я помню, как вокруг него всегда ходили заблудшие жизни. Их, как будто, оставил машинист, и они обречены были смотреть и мертветь прямо на берегу. После прыжка я не мог поверить, что так и заканчивается жизнь. Огромные поля и леса и еле заметные поселения, которые потерянные проекции строили для себя, всё это хранит в себе Мир. Я долго шёл и слушал шум лесов,

ветер полей и песни луны или солнца, то и дело освещавшие эту невероятной величины межу. Межу, разделяющую одну жизнь машиниста от другой жизни другого машиниста и способную уместить в себе столько проекций, сколько было создано за всё время существования вселенной.

Бродя так подолгу по огромному полю и лесным закоулкам, я кое-как отыскал море с обрывом и, нырнув пару раз, я будто услышал детские голоса. Я услышал, что они прыгали с тарзанки и что один упал и разбился. Я слышал, как они сбегали от взрослых. Море хранит столько секретов, столько тайн и столько голосов. Ночью при луне мне пришло виденье – ясный день и ребята, ныряющие в воду. Я тоже нырнул и услышал голоса. Я подумал, что если море так быстро вытаскивает меня на поверхность, значит, я не смогу погрузиться в другой мир. А именно этого я и хотел. Поэтому море это не сможет стать проводником. Узнав про болото от другой проекции, я решил найти его. Мне повезло, оно находилось недалеко от деревянной хижины, что так похожа на эту. Тут тоже рядом есть болото.

Оно было густое, как сама тишина или ночь, в которой не разглядишь даже звёзд. Но пока я погружался, я ошибся вселенной. Их такое великое множество, что я уже не нашёл себя. Я лишь плыл своей мыслью на голос, на голос в глубине болота. Надеюсь, читающий это, мне поверит и, если рискнёт, то не ошибётся вселенной. Всё произошло, как и должно было произойти, я стар и болен, и умираю в одиночестве, как

и завещал мне мой товарищ с одинаковым именем – Джон. Пусть он и умер при моей проекции, но я теперь машинист. Я жил в том мире, в котором и должен был быть Человек. В этой хижине я проведу остаток своих дней, но зато у меня целая и настоящая жизнь. Пусть без друзей, но зато она полностью моя и принадлежит не машинисту, а мне. Теперь, наверное, в том мире, который я покинул, создались маленькие проекции меня, маленький поезд, который постоянно движется. Я помню это, я жил в этом мире и также находился в поезде текущей жизни. Но сейчас я живу по-настоящему, и мне суждено умереть здесь. Я похороню себя в какой-нибудь землянке, и для меня это будет Высшей честью. Я взялся из ниоткуда, из микромира, но умру тут. Умру, как земной человек, не выдумка, не фантазия, не мысль, не жалкий исход событий. Я осуществил мечту, я умру, как машинист, как Человек, как Земной Человек с множеством линий на руке. Их так много, надеюсь, я найду хотя бы себя...»

Страница была оборвана, и непонятно было, чем закончилось это прощальное предложение. Следующие страницы были пусты. К ним всё это текущее время не прикладывал руку не один ныне живущий.

Глава 16

Новый незнакомец

Вагон, в котором я находился, не пах горючей жидкостью. От другого меня отделяли теперь мои сомнения. Вдруг ветер резко поднялся и завыл, как самый свирепый зверь.

И вот, сквозь призму целых окон, я наблюдал как поезд охватили волны огня. Страшно было наблюдать, как целый вагон сгорает, не давая возможности выскочить ни одному из версий. Вот и Пит остался там, и покинутая версия меня тоже оставалась там. Их обоих постигла участь невыполненного пути, которому, кажется, не суждено было сбыться.

Они просто погибли, как те, от кого я отрёкся. Как мал человек в несущемся поезде. И как страшно находиться в нем не за рулём, а за пассажирским сиденьем. Пассажир ведь не может ничем помочь и ничего изменить. Без конца и без края летят деревья мимо вагона, а я здесь, наблюдаю, как соседний вагон вдруг вспыхнул, как фитильная свеча.

– Почему так? – От ужаса я кинулся к моему новому незнакомцу.

– Потому что произошло то, что отделило нас от тех версий. Они просто сгорели.

– И как же это понимать? Я знаю, что версии не сбылись, это понятно – Продолжал я нервно говорить. – Но почему он сгорел?

– Потому что сдвиг. У каждого человека в какой-нибудь из дней наступает резкий поворот в пути. У всех в разные стороны. Кто-то сходит с ума, а кто-то получает то, что меняет его сознание, его образ мыслей чувств, навсегда.

– Наш машинист сошёл с ума?

– Уж этого мне не знать.

– Стой, но ведь большинство версий знают как умрут. Почему же они не перешли в другой вагон?

– Они не знают, пока не станут машинистами. Это мнимая уверенность в ситуации. Они думают, что ситуация, как их целая жизнь, закончится только так. Но жизнь, как рельсы, не состоит из одной станции. Это слишком короткий временной промежуток.

– Но Джон говорил мне, как я умру? – Тот лишь рассмеялся на такие слова.

– Оглянись! Поезд слева сгорел вместе с Джоном за то, что тот был слишком уверен в своей смерти! Как он мог сказать Тебе, когда ты умрёшь, если сам забыл про свою смерть?

– Выходит, весь вагон сгорел из-за измененных событий в жизни машиниста?

– Да! И из-за проекций машиниста, которые являются его частью в одной только реальности.

– Наверно поэтому я всё ещё не знаю, как умру...

– Ты и не должен... Даже машинист не знает, как он умрёт. Знает только исход событий, который легко может не наступить, как недосказанный слог во время ожесточённого спора... Понимаешь? Он может быть и не нужен вовсе и никакой значимости не играет, но смысловую нагрузку несёт лишь в ту секунду, пока существует в мысли одного из состоящих в споре.

– А ты знаешь как я умру? – Я приблизился к нему ближе и взял за плечи, желая выпытать правду. Мне Пит сказал, что я умру в одиночестве.

– Пит не должен был говорить тебе это. Неведенье – одно из лучших составляющих пути. Оно позволяет не допустить сомнения. Поэтому тут никто ни с кем не разговаривает. Я не знаю, когда ты умрёшь, потому что я опыт другого человека. И если я от другой вселенной, значит мне вряд ли суждено когда-то стать машинистом. Шанс, конечно, всегда есть, но его можно измерить только в дороге.

– Значит, ты будешь просто ехать?

– Да. Знаешь, все не выполненные жизни и не умершие версии похожи на заблудшие души. Мы все шатаемся по лесу в поисках чего-то.... Мы ищем поезд или пристанище. В одном из мест, где я был, располагалось кладбище. На нём сами себя хоронили несбывшиеся события. Остальные версии читали погребальные молитвы, святила луна, и мы все просто существовали в вакууме, в пустоте, в которой нет ничего человеческого.

– Ну ты же опыт, разве ты способен умереть?

– Теперь только если я сам этого захочу. Я просто чуть больше знаю, и это отличает меня от вас. Я слышал легенду о заброшенных поездах... Мол, где-то там есть жизни, которые люди оставили. Суицидники всякие, или Случайники.

– Случайники?

– Это те, кто от несчастного случая умер. Когда машинист

умирает так, а не иначе, все проекции прыгают в окно или сгорают в своих вагонах, а машинист просто исчезает на полпути. Так и появляются заброшенные вагоны, и иногда одна из заблудших проекций может отыскать этот вагон с водительским сиденьем и начать отдельную жизнь со своей отдельной вселенной, уже со своими проекциями.

– Выходит... – Немного задумался я – Наш машинист умирает, раз вагон горит?

– Судя по всему да...

– Я не очень понял...

– Спрашивай.

– Ну, если вагон отцепится и поедет своим путём, то, что будет тогда?

– У него будет развилка в другой вселенной, в другой реальности.

– А если в другой реальности он умрёт? Произойдёт всё тоже самое, что ты сказал?

– Да. Но это только одна реальность. А их миллионы. Миллионы реальностей, миллионы жизней, ещё больше исходов событий, которые плодятся, как тараканы. И всё это благодаря одному человеку. Благодаря тому, что он существует, что он живёт, ходит в магазин или выходит на прогулку. Всё это один огромный мир, в котором и вечности не хватит, чтобы описать одного человека.

Глава 17

«Ничего не понимаю... Неужели я не один такой? Кто-то ещё слышит голоса в воде? Но где тогда может быть это самое болото, мне Кеша о нём ничего не говорил. Хорошо, предположим, это – правда, и существует какой-то другой мир с каким-то машинистом и другими исходами событий. Но кто тогда я?»

Ночь развлекалась в тишине, и звёзды так тихо перешёптывались, что лишь иногда можно было только застать, как они падают с небес. Это было видно через окно. Наверное, они падали в какой-то другой мир, о котором никто не догадывался.

Тогда Андрей вдруг опомнился и начал проводить руками по пыльным полкам и шкафам, один из них был закрыт старой ручкой, которая со временем так привыкла к своему положению, что не двигалась ни на миг. С особым усилием он отпёр дверцу и увидел кучу других пыльных книг и огромный склад старых бумаг, будто кто-то записывал туда какие-нибудь охотничьи записки. Спустя пару часов Андрей наконец нашёл, что искал. Это была старая карта, что годилась в сверстники каждому второму нашедшему.

Он расстелил её на столе и оглядел окрестности. В паре миль находилась деревня, а за три версты то самое болото, помеченное отдельным красным цветом.

Судя по всему, это было сделано не просто так. Андрей не стал дожидаться утра и прихода Кешы с новостями, ему

лишь хотелось довести дело до конца. Как будто какая-то навязчивая мысль то и дело ходила сзади. И это была не просто мысль о возможной смерти. Это была мысль о новой, другой вселенной, в которой нет взрослых, нет их упрёков и ссор, нет битой посуды, плохих воспоминаний, вечных побегов. Есть только он и другой мир, в котором и вечности бы не хватило на жизнь одного человека.

По карте была понятна примерная траектория. Стоило лишь закрыть за собой ту деревянную дверь, которая однажды впустила его с случайным скрипом. После такой находки каждая мебель в доме, всё в хижине будто выгоняло его на волю, на ту волю, о которой он так долго мечтал.

Недолго думая, Андрей собрался и, взяв на всякий случай карту, закрыл за собой дверь. В лесу стало совсем прохладно, но это только добавляло желания скорее добраться до того самого болота. С каждым шагом земля становилась всё грязнее и густотой своей прилипала к ступням. Долгая дорога тянулась вдоль леса, по которой Андрей продолжал тернистый путь.

Глава 18

– Получается, что мы с тобой сейчас в том вагоне, который отделился от предыдущего и едет по другому пути? Я правильно понял?

– Это не важно. Тот вагон рано или поздно отцепится и не поедет в ту вселенную, в которую направляемся мы.

– Выходит у меня просто другая жизнь...

– У Исхода только одна жизнь, она не может быть иной.

Она просто есть...

– А если я выпрыгну?

– А ты хочешь?

– Теперь, да... – Неуверенно ответил я. – Получается, у меня есть шанс быть машинистом. Маленький, но шанс, с которым я могу изменить свой исход событий и стать большой жизнью в большом мире, а не маленькой жизнью в ничтожной вселенной.

– Ну, попробуй, если смелости хватит... – Вдруг усмехнулся собеседник.

Я увидел, как помимо меня другие люди из вагона с паникой на лице уже выпрыгивали, кто-то из них истерически кричал, так, будто машинист умирает. Но мне на тот момент было, по большому счёту, всё равно.

Я подошёл ближе к оконной разбитой раме вагона и, не успев и глазом моргнуть, как сделал шаг, и другой исход событий вытолкнул меня за шкуру в огромную тёмную гладь.

Я больно упал спиной на землю и не сразу уловил картину мира, которая так быстро поменяла свои условия. Однако небо по-прежнему было превосходным, и я был несказанно рад ещё чувствовать себя живым.

– Чего ты лежишь? – Вдруг окрикнула меня проекция, и я удивлённо посмотрел на неё. – Вставай! – Вдруг сказал он и выдвинулся вперёд. – Жизнь зовёт!

– Куда зовёт?

– Как куда? Туда, где ты точно ещё не был! Посмотри на линию на руке!

Я оглядел свою ладонь и ужаснулся. Не было никаких линий, была только пустая ладонь, я, как и не рождался вовсе. Во все и не существовал.

– Почему так?

– Ты на меже, Ты там, где ничего нет. Тут ничего не произошло. Такая огромная вселенская прокрастинация. Тут выбор не нужно делать, тут ничего нет. И деться от сюда некуда, почти, ... разумеется.

– Я слышал про заблудший поезд, что если найдёшь его, сразу станешь машинистом.

– Тогда тебе в лес идти. Но знай, что его искать можно тысячу лет, лучше тут поселиться. Это, пожалуй, уже твой безжизненный и неслучайный выбор.

– А если не найду?

– Тогда советую в болоте утопиться, вдруг в другую вселенную попадёшь, ну это уже совсем вряд ли. В общем, сам решай, как дальше будет. Это твой путь по линии. Не замкнись только.

И я побежал. Побежал так быстро, как только смог.

Обложка подготовлена иллюстратором: Анастасией Штоцкай (@shtosya) в рамках некоммерческого использования с сохранением авторского права.